

Парад
Планет
УГ
Проза

Составление – Ирина Архипова
Дизайн – Виталий Музуров

Парад планет. Проза – Литгалактика,
2024. – 108 с.

В сборник вошли прозаические произведения – победители и призёры конкурсов, прошедших на сайте «Литгалактика» в шестые полгода полёта (18.07.2023 – 17.01.2024).

I. Планета X

Планета X – самая загадочная в Литгалактике.

Это планета непредсказуемых проектов, конкурсов и игр. Никто не знает заранее, куда и когда полетит в очередной раз Планета X, кто поведёт её в путь – не менее загадочный мистер Икс или кто-то из экипажа, какой именно маршрут будет предложен участникам и что от них потребуется.

Конкурсы Планеты X:

Командная игра «Четыре грани – 2» – трёхтуровая игра, в ходе которой каждая из зарегистрированных команд представляла четыре грани творчества (прозаическое произведение, стихотворение, декламацию или мелодекламацию, авторскую фотографию) и сыграла с каждым из соперников по круговой системе.

2023 год. Проза. Выбор автора

Командная игра «Четыре грани – 2». 1 этап

Посылка, или Дневные сны

Александр Соломатин

– Мужчина! Мужчина, вы меня слышите? Дома будете открывать. Здесь почта, а не «Озон». Расписались – и до свидания!

...Виталий Петрович Синичкин, примерный семьянин пятидесяти двух лет от роду, сидел на кухне, уставившись на стол, на котором лежал небольшой, потемневший от времени фанерный ящик. Внешний вид посылки и посветлевшие письма на облезлой крышке вызывали у Виталия какое-то смутное беспокойство. Получатель – Синичкин Виталий Петрович. Адрес: область... город... улица... квартира... Тут всё верно, это их с женой адрес вот уже двадцать лет. Отправитель – Синичкин Виталий Петрович. Это уже интереснее. Почтовый адрес отправителя: область... район... деревня... дом... Точно – там, в деревне, у бабки с дедом, вместе с родителями и жил он тогда. Но главное – это дата на штемпеле: 1 июня 1985г. Что-что, а её он помнил хорошо – первый поцелуй, как и первая любовь не забываются. Виталий Петрович задумчиво посмотрел на посылку:

4

– Скорее всего, опять на почте напутали. Ладно, давай посмотрим, что это за привет из прошлого.

Виталий разрезал шпагат, отколупав зачем-то сургучную печать. Затем аккуратно подцепил отвёрткой крышку, надавил на рукоятку и, просунув пальцы в образовавшуюся щель, приподнял фанерку...

– Ви-та-ля! Ви-та-ля!

Солнце лимонным сиропом растекалось по плечам и лицу, проникая под веки. Ветерок, залетев в открытое нараспашку окно, тормозил чёлку, словно звал за собой на улицу.

– Ви-та-ля!

Колян пришёл, дружок закадычный. Между прочим, мог бы тоже поваляться подольше – первый день каникул как-никак...

Эх, пора вставать. Не хочется, а придётся.

Виталик приподнялся на локте и втянул носом воздух – пахло гречневой кашей.

– Класс, – подумал, – постаралась бабуля!

– Ви-та-ля! Ви-та-ля!

Да чего он орёт-то, забыл, как калитка открывается, что ли? Небось бабка на щеколду закрыла! Всё цыган боится, каждое лето одно и то же. Как же, наволочки её и тапочки с крыльца украдут, конечно.

– Ви-та-ля!

Да сейчас, сейчас, иду уже...

Вспомнился вчерашний день. Как помогал однокласснице тащить учебники в библиотеку, как потом шли они от остановки, а она всё трещала и трещала без умолку, словно сорока. Оля, Олечка... Он шёл рядом и не слышал её, глядя то на волосы цвета воронова крыла, то на курносый носик, а иногда, дерзко и, как он думал, незаметно, на круглые колени, выглядывающие из-под форменного платяца.

Ну да ладно. Вечером всё равно на Центральной встретимся. Может, разрешит проводить себя до дома? А там и до поцелуя недалеко! Но это вечером, а сейчас каша – и на речку! Или в лес... Или футбол? Ладно, потом решим.

– Ви-та-ля!

– Виталя, Виталя, вставай давай, спящий мой царевич! Я всё понимаю – первый день отпуска, но утро, как это ни печально, давно закончилось – день на дворе.

Виталий Петрович нехотя открыл глаза. Ольга сидела на краю кровати и, ласково улыбаясь, тихонько ерошила остатки волос у него на голове.

– Пойду завтрак разогрею – остыла, наверное, каша твоя.

Ольга ушла, а Виталий взял с тумбочки телефон и посмотрел на экран – 01.06.2023.

– Жаль. Не бывает чудес, видимо, – хмыкнул он и сладко потянулся, вспоминая сон.

– Нам с тобой ещё по магазинам надо пройтись, – донёсся из кухни голос жены. – А потом на почту сходишь: извещение пришло, посылку тебе прислали. Ты заказывал что-то?

– Нет... не знаю... не помню... – ошарашенно пробормотал Виталик, ещё раз посмотрел на экран телефона и закрыл глаза.

Очищение, или Осенний театр

Джон Маверик

Я сижу на скамейке в осеннем парке. Желтые и оранжевые листья шуршат, плывут мимо, крутятся на мокром ветру. Он как будто вдвует в них души, оживляет, пусть несколько коротких минут, а то и мгновений. А чуть поодаль морщится от его порывов тусклая гладь пруда, вся в золотых березовых корабликах, и ломко потрескивают у берега сухие камыши. Прямо в воде застыла, как чучело в перьях, серая цапля. Взлохмаченная и понурая, она стоит посреди такой же, как сама, унылой серости на одной ноге. Ей нет никакого дела до меня, а мне – до нее. И все-таки какая-то тоненькая ниточка внутреннего родства соединяет нас. Нам обоим холодно, грустно и одиноко.

Я наблюдаю, как на крохотном клочке асфальта у моих ног – в осеннем театре – разыгрывается привычный спектакль. Вот танцует соло крупный и яркий кленовый лист – рыжий, будто клоун, блестящий и напыщенный. «Это я... – словно говорит он, – я... я... я... Красивый, успешный, важный».

Мне хочется вскочить с места и затоптать этого выскочку, растереть подошвами ботинок, изодрать в мелкие клочки. Крикнуть: «Да не важен ты совсем! Человек ценится по его делам, а не по глупым ужимкам». Но это всего лишь палый лист на ветру. И я молчу, смотрю и слушаю.

К моим ногам слетаются птицы, и я, достав из рюкзака пакет с пшеном, щедро бросаю им зерна. Пернатые суетятся, толкают друг друга, а я, скосив глаза, продолжаю следить за осенним лицедейством. Я вижу, как осиновый лист – круглый и красный, словно от стыда, бочком подбирается к кленовому. Он мельче, стесняется и мелко дрожит, кувыркаясь в воздухе. Кукловод-ветер подкидывает его вверх и безжалостно швыряет на асфальт. Волочит по мелкой луже.

– Дай мне в долг, друг, – просит осиновый лист, алая от смущения. – Ребенку на операцию. Времени совсем нет... Отдам обязательно, как смогу.

– Нет, – отвечает его кленовый собрат. – Нет-нет-нет-нет.

Осиновый лист умоляет.

– Пожалуйста! Речь идет о жизни и смерти. Еще немного – и будет поздно. Может быть, уже поздно.

– Нет-нет-нет-нет-нет.

Вздыхнув, я отвожу глаза, а присмиривший ветер, котенком сворачивается у моих ног.

– Ну что, закончили кривляться? – говорю я листьям, но они молчат и лежат, бездыханные, похожие на желтые и красные тряпочки.

И так чуть ли не каждый день, стоит мне забыться, замечтаться, засмотреться на птиц, на деревья, на облака, даже на муравьев или бабочек. Все они, как по нотам, начинают разыгрывать эту коротенькую пьесу. Всего две-три реплики. Но вопрос всегда один и тот же – и такой же ответ. Ну, и на кого тут злиться? На осень? На небо? На пестрый, облетающий холодным огнем осенний парк?

Кто из них виноват в том, что три года назад я ответил отказом на такую же просьбу моего коллеги? Мы и друзьями-то не были. И даже работали в разных отделах. Ума не приложу, почему ему вздумалось обратиться ко мне. А может, охваченный отчаянием, он кидался ко всем подряд, не в силах смириться с мыслью, что его дитя – самый любимый на свете человек, увы, обречен. Помню, я посоветовал ему написать в какой-нибудь благотворительный фонд. Объявить сбор. Ну, мало ли что можно сделать, не залезая в карман к посторонним людям. У меня были деньги, но я хотел вложить их в бизнес, а не тратить непонятно на что. На чьи-то воздушные замки, на второй шанс, на бесплодную, возможно, надежду.

«Нет времени, – ответил он мне тогда, – у нас каждый день на счету».

«Извини, – я решительно мотнул головой, – ничем не могу помочь».

Он отступил, изменившись в лице, не в силах уже скрывать свою боль. А я отвернулся, мельком подумав, как он сдал за последнее время. Глаза беспокойные, красные, словно от долгой бессонницы. Плечи опущены. По правде говоря, он и сам выглядел как тяжело больной человек.

Понятия не имею, чем там все закончилось. И состоялась ли операция. Тот коллега вскоре уволился и, вроде бы, нашел другую работу. Через общих знакомых до меня дошли слухи, что его сын все-таки умер. А сам он развелся с женой, а после – то ли спился, то ли наложил на себя руки. Знаете, как бывает. Человеческая судьба – она хрупкая... Как домик из спичек, одну вытянешь – и вся конструкция развалилась.

Но разве это моя вина, спрашивал я себя. Нет, конечно. Но отчего так странно и пусто внутри, словно что-то непоправимое произошло – не в чей-то чужой, а в моей жизни? И как будто я сам это непоправимое совершил – своими собственными руками? Мои деньги спасли бы малыша. Или нет. У каждого – своя судьба, у ребенка ли, у взрослого. И если кому-то суждено умереть в детстве, то в этом, наверное, есть какой-то высший смысл.

Он мог вырасти, думаю я, и стать художником или музыкантом. Ученым, подарившим миру лекарство от рака или новое смертоносное оружие. Просто хорошим человеком. Или нехорошим. Примерным семьянином, честным работягой или неудачником, преступником, маньяком, проклятием человечества. Достичь святости или продать душу дьяволу... Может, ему вовсе не надо было жить. И кто я такой, кто мы все такие, чтобы вмешиваться в божий промысел?

Но если я прав, то почему мне так плохо? Почему я, как эта лохматая цапля, стою посреди осеннего мира со своей совестью наедине?

Опавшие листья – невольные лицедеи – смиренно льнут к моим ботинкам. А к лавке осторожно, бочком, приближается Лисичка. Скалится от страха, рычит, в карих, с золотой поволокой глазах застыла боль. На шее – обрывок веревки. Рыжая шерстка запачкана в грязи и кое-где свалялась колтунами, и все равно собачка красива, просто заглядение. Яркая, стройная, небольшого роста – примерно мне по колено. Она пуглива – боится всех, даже кошек. Да что там кошки. Клюющие пшено птицы, и те внушают ей ужас.

Медленно достаю из рюкзака сверток и разворачиваю на скамейке. Лисичка напряженно следит за моими руками, но не убегает. А я выкладываю на одноразовую тарелку кусочки колбасы, сушеного мяса, куриную грудку, хлеб... Ставлю все это на землю и, слегка отодвинувшись, смотрю в сторону. Боковым зрением я вижу, как собачка хватается кусок, отбегает, быстро проглатывает... хватается еще один... отбегает... и так, пока тарелка не опустеет. Рыжей осенней тенью Лисичка ныряет в кусты и растворяется в них, а я кидаю пластиковую посудину в урну и застегиваю рюкзак.

Сколько раз я молил Бога – нет, не даровать мне покой, его я, наверное, не заслужил. Как и забвения. Без памяти душа слепнет и глохнет, и, как яхта без парусов, несется прямо на рифы. Но я просил дать мне подсказку, намек, знамение, если хотите. Как жить дальше? Что делать? И вот однажды в тишине пришел ответ. Словно кто-то невидимый шепнул мне в ухо одно единственное слово: «корми».

Сперва я растерялся, а потом понял. Надо просто кормить – всех, кто голоден. Тех, кто стоит с протянутой рукой, и тех, кто стыдится просить. Того, кто пинает лапой пустую миску, и того, у кого вовсе нет миски. Кормить человека, зверя, птицу и любую тварь. Это так легко! И словно тяжелые цепи опадают с сердца, оно становится невесомым, как тополиный пух на ветру. Сделанного – не исправишь. Как и не сделанного вовремя. Но пока вьется тропинка жизни, впереди будет гореть свет. Манящий и чистый или неверный, как болотный огонь. Это уж как повезет, но главное – идти и ничего не бояться.

Я вижу, как встрепенулась на воде цапля и, раскрыв широкие крылья, поднялась над прудом, словно огромный летучий змей. Описала надо мной круг... один, другой, и, перемахнув ажурную грядку древесных верхушек, утонула в холодном облачном молоке. Она, конечно, вернется. Серая цапля всегда возвращается на этот пруд, как почтовый голубь в родное гнездо. Я бы и ее накормил, но ей ничего от меня не нужно.

Зато нужно бродячим кошкам на пустыре, и я, снова закинув рюкзак на спину, поднимаюсь со скамейки и иду туда. Я заранее прихватил из дома большой пакет с сухим кормом и пару банок кошачьих консервов. А потом забегу в супермаркет – купить продуктов соседке снизу. Я не знаю, на какие средства живет эта сухонькая, аккуратная старушка, но однажды видел в магазине, как она пересчитывала мелочь, пытаюсь купить в овощном отделе три морковки. Ей не хватило денег. За морковь я, разумеется, заплатил и с тех пор каждую неделю приношу соседке целую сумку еды.

А дома, в пустой квартире, меня ждет подобранный еще прошлой зимой щенок. Он похож на волка, серый и поджарый, и за лето вымахал в крупного молодого пса. И его я тоже кормлю.

Я кормлю – и это как очищение, как покаянная молитва, как отпущение грехов. Может быть, не только моих, но всего этого странного мира, где жизнь ребенка можно выкупить за деньги, где люди выгоняют из дома собак и кошек, где причиняют друг другу боль и отрекаются от любви.

Командная игра «Четыре грани – 2». 2 этап

Мой ангел
Сергей Че

В здании офиса топят, как в преисподней. Кондиционеры не справляются. Приходится открывать окна. Результат: протянуло сквозняком. Чувствую озноб, поднялась температура. Хорошо, что пятница – за выходные приведу себя в порядок. Еле дождался конца рабочего дня. Пятнадцать минут быстрой ходьбы – и буду дома. Сокращу через скверик, правда, в нём темно и туман ещё этот...

Слышу:

– Закурить не найдётся? – Едкий сигаретный дым смешался с туманом.

Осенняя сырость временами освежала черепную коробку снаружи, давая подобие бодрости, а потом будто уплотнялась, превращаясь в болотную жижу с отвратным запахом, перекрывала доступ кислорода. Порывы слабого ветерка пытались отогнать запах, но тот вновь забивался вовнутрь лёгких, затягивая грязью нос. Угадывалась непонятная возня с моим телом. Не со всем моим телом, а его частями. Будто полный мешок песка не поднять, а отсыпав ведро-два, – уже возможно. Но всё равно, тому, кто шевелил меня, чувствовалось, было тяжело.

– Да сколько же ты весишь, каменюка? Переворачивайся на спину – легче дышать будет. А то мордой в траву – задохнёшься, отвечай потом.

Совершенно незнакомый голос молодой женщины ещё некоторое время пыхтел, кряхтел, бурчал непонятное – и притих, видимо, отдыхая, а может, его обладательница ушла, совершив доброе дело. Дышать стало гораздо проще. Хотя нет: голос молодой женщины – певучий, приобретший плавность и протяжность, уже грудной от проявляющейся глубины. Если красивая, знающая себе цену, то в голосе уверенность. Этот же – угловатый, с элементами дисканта, оставшимися при ломке голоса взрослого ребёнка. Уверенности – хоть отбавляй, хорошо, если это не самоуверенность. «Девушка!» – вспомнил слово мой мозг, а голос до принадлежности даже очень молодой женщине не дотягивает.

«Чего это она меня двигает? Я сам!» – сразу несколько пик кто-то многорукий одновременно воткнул в тело при попытке встать. Проникший в голову туман выдавил не крик, а протяжное шипение.

– Не дрыгайся, кузнечик, а то сломанными рёбрами себе живот попротыкаешь, – опять этот голос. Чей он? Подумать не успел – потерял сознание и куда-то поплыл вместе с пришедшим в движение туманом. – Придётся скорую вызывать – не тащить же волоком, а притяжение убирать не умею...

Почувствовал солёный привкус крови на губах и холод, открыл глаза, но яркий свет заставил зажмуриться.

– Он открыл глаза, – ровным спокойным голосом отметила как факт медсестра, вводя наркоз. Закончив с наркозом, уже по-матерински обратилась ко мне: – Молодец, сынок, что пришёл в себя. Только сейчас поспи, а мы поработаем над тобой.

– Де-пфу-хка, – прохрипел.

– Не разговаривай – челюсть свёрнута. Потом про девушку расскажешь. Спи, милый...

Проснулся. Тело ныло. Захотелось потянуться и почесаться одновременно. Не получилось ни то, ни другое.

– Очухался? Здóрово! Не хочешь поболтать?

Узнал голос!

«Она здесь. Девушка, та самая». Захотел улыбнуться – тоже не смог. Покрутил глазами – увидел забинтованного себя и сразу понял, где нахожусь. Всё мгновенно вспомнил, расстроился.

– Не переживай. Ты молодой, три-четыре недели – и будешь лучше себя прежнего. Без простуды!

Закрыв глаза, чтобы не видеть бинтов и самой палаты, выкрашенной в светлые тона, с парочкой свободных соседних коек. Скорее почувствовал, чем услышал, как вошла медсестра, сняла показания приборов и тихо удалилась. Подумал:

«Медсестра никого не заметила здесь. Показалось, что слышал голос?»

– Нет, не показалось. Я здесь, – моментально получил ответ. – Я твой ангел-хранитель. Теперь буду рядом всегда.

– Ангел-хранитель – девушка? Странно! Читал, что ангелы-хранители должны быть сильными, чтобы при случае нести подопечных – значит, должны быть мужчинами.

– Не совсем так. Сначала гендерных различий у ангелов нет, но когда заканчивается обучение или их посылают на практику, как меня, то ангелы должны выбрать голос, которым могут общаться с подопечным при необходимости. Есть несчётное множество тембров различной силы и тонов. Я выбрала этот. Как только подопечный услышит голос и определит его как женский или мужской, то ангелы становятся ангелами-мужчинами или ангелами-женщинами. Ты определил голос как девичий. Я девушка.

– Надо же так! А почему ты выбрала такой голос?

– Считаю, что гендерность не важна. Главное – сила духа: и для человека, и для ангела. Женщины считаются у людей более слабыми, а у нас более слабые – женские голоса. Выбрала, чтобы доказать обратное.

12

Против воли зашёлся беззвучным смехом насчёт ангела-хранителя девушки и того, что она облажалась. Быстро сообразив, что смех не скроешь, прекратил.

– Ты прав, облажалась. Решила на денёк слетать к подруге. Она тоже выбрала женский голос. Ты за один день моего отсутствия заболел, свернул в тёмный сквер, хотя всегда ходил по освещённым тротуарам, нарвался на отмороженное хулиганье. Немного опоздала бы, убить могли.

– Разве можно покидать нас?

– Нельзя. Но ты считался лёгким.

– Как это?

– Беспроблемным. Родился здоровым, болел легко, сам выбирал правильные решения, даже в детдоме, куда после аварии родителей попал. Предыдущий ангел поэтому захандрил, от безделья поймал депрессию. Редкий случай – потребовалась переаттестация. Меня вместо него назначили, хотя не

прошла полный курс обучения. Не знаю, как поощрение за успехи или наказание за чрезмерную активность? Доучусь заочно.

Врачи поражались столь быстрому восстановлению отбитых внутренних органов, срастанию сломанных костей. Объясняли молодостью, тягой к жизни. Не забывали отметить высокий профессионализм персонала, прекрасные условия больницы. Я с каждым днём чувствовал себя лучше. Благодаря Жанне. Однажды случайно обратился к спасительнице по имени – она чудесным образом стала Жанной. Значение имени – как с неё писано: энергичная, свободолюбивая, за словом в карман не полезет. Очень нравилась мне. Я ей в безрассудном порыве в любви признался. Получил яростный отпор:

– Ещё замуж позови! – Засмеялась. – Не надейся. После нескольких межвидовых свадеб ввели предмет «Противодействие служебным романам». Теорию знаю назубок, могу преподавать!

Я не надеялся, но заинтересовался. Даже не представлял, что возможен реальный брак между ангелом и человеком. В каком облике: телесном при жизни человека или духовном после его смерти? Оказалось, и так и эдак! Постепенно выведал, что смог, по захватившей теме. Моё предпочтение – биологическая жизнь, морально не готов на небо. Здесь интересная работа, достойная зарплата, шахматный кружок, друзья, ипотека. А там?

Выписка уже не маячила, а ожидала отмашки. Временами беспокоила Жанна. Активно общаться продолжали, но частенько отвечала невпопад, через паузу. Сложилось впечатление, что стала рассеянной. Желая подтрунить над её несобранностью, ошарашил вопросом:

– О дне свадьбы думаешь? С цветом платья когда определишься? Предложение действительно!

– Уже – буду в белом! Ну её, вечную жизнь...

Лисса
Джон Маверик

Если есть на свете что-то страшнее смерти – то это одиночество. Две недели прошло с тех пор, как от меня ушла жена. И не сказать, что мы плохо жили. Но – новая любовь, какой-то смуглый метис. Я не успел его толком рассмотреть и не жалею об этом. Мне хватило одного взгляда на счастливое лицо моей благоверной. И не то чтобы супруга обобрала меня до нитки. Она и не взяла ничего – уехала с двумя чемоданами в новую жизнь.

Со мной осталась наша семнадцатилетняя кошка. Лисенок – это ласковое прозвище приклеилось к ней еще в ее бытность игривым котенком. А сейчас – флегматичная, ленивая, похожая на лохматую рыжую подушку с двумя зелеными пуговицами – глазами, которые и открывались-то лишь изредка, потому что большую часть дня кошка спала.

Кошки не попугаи, им не овладеть человеческой речью. Да и люди не мяучат по-кошачьи. Но мы с Лисенком так долго жили бок о бок, что создали нечто вроде эсперанто, язык, на котором оба могли говорить и понимали друг друга.

14

Днем я еще держался и на работе шутил, пытаюсь казаться веселым. Но по ночам, лежа в огромной, как палуба океанского лайнера, кровати, я корчился от боли и разве что не выл по-волчьи на тусклый осколок висящей за окном луны. Сон клубился туманом, тошнотворным, с горьким привкусом кофе и запахом женских духов. Даже и не сон вовсе, а какая-то блестящая полудрема. Я уходил мыслями далеко, туда, где за бортом моего корабля плескалось чернильное море холодной ночной темноты. Забыл сказать, что беда случилась со мной в ноябре – самом сыром и мрачном месяце в году, когда тяжелая осенняя хандра пропитывала залитую дождями землю. Нагая и дрожащая на ледяном ветру, природа страдала – и я вместе с ней.

– Эй, хозяин, – мягкая кошачья лапка коснулась моей щеки. – Ты что, плачешь?

Лунные зеленые глаза смотрели на меня не мигая.

– Больно, Лисенок. Я больше не могу! Лучше бы я умер, чем так!

Кошка испуганно встрепенулась.

– Как это? А кто будет меня кормить? Чистить лоток?

Я вздохнул. Мы оба молчали. Я – сглатывая слезы. А кошка – задумчиво урча.

– Может, заведем собаку? – спросила она наконец.

– Не хочу.

– Чего же ты хочешь?

– Хочу, чтобы стало, как раньше.

Кошка беспокойно зашевелилась и, повернувшись, махнула мне в лицо пушистым хвостом.

– Твоя не вернется.

– Ох, Лисенок! Знаю. И не надо, я ей больше не верю.

– Так чего ты хочешь? – повторила кошка и, уютно свернувшись клубком, прижалась к моему подбородку меховым боком, и задышала со мной в унисон.

Она тихонько мурлыкала, но я-то знал, что в такие минуты, окутывая тело и душу своим теплом, Лисенок читает в моем сердце.

– Все ясно, – сказала она некоторое время спустя. – Будет тебе любимая. А теперь спи.

И знаете, кто мне только не лгал с самого рождения и до сегодняшнего дня. В детстве мама – про Санта Николауса и Зубную фею. Учителя в школе, начальник, коллеги, друзья. Все мне врал, пытаюсь как-то меня использовать. Но еще ни разу за всю мою жизнь меня не обманула кошка. Поэтому я сразу ей поверил, успокоился и заснул.

И что-то изменилось. Проснулся я с предвкушением чуда. Как в рождественское утро, когда открываешь глаза, зная, что под елкой тебя ждут подарки. Хотя за окнами по-прежнему шуршал по карнизам унылый ноябрьский дождь, на душе стало празднично и светло. Как-то удивительно спокойно, словно все обещанное уже свершилось.

Я возвращался с работы пешком через центр города. Брел, не торопясь, мимо нарядных витрин, украшенных блестящими елочными шарами. И вдруг увидел ее. Вы знаете, как выглядит мечта? Нет, никаких ног от ушей. Мечта – это свет доброты в глазах, это бесконечная нежность, искренность, сердечность. Вот именно так она выглядела. Невысокая шатенка с короткой стрижкой, одетая неброско, в серое полупальто. Но мне она показалась яркой нездешней птицей – такое сияние окутывало ее хрупкую фигуру. И нет, это не был отраженный свет витрины или уличных фонарей. А ее собственная лучезарная аура. Мы встретились взглядами и улыбнулись друг другу, как давние знакомые.

– Алекс, – представился я.

– Лисса, – откликнулась она, протягивая мне узкую ладошку.

Имя показалось смутно знакомым. Знаете, как бывает, когда катаешь на языке какое-нибудь слово и не понимаешь, где его раньше слышал. Я шагнул рядом с Лиссой, смущенный и очарованный, смотрел в ее прозрачно-зеленые глаза и болтал о чем попало. Когда я взволнован, у меня без вина развязывается язык. Так что Лиссе я рассказал все, что можно, и что совсем не стоило рассказывать – но она и бровью не повела. Как будто всю свою жизнь только и делала, что ждала меня – со всеми моими причудами. Как будто мы с ней созданы друг для друга.

Пришел домой я за полночь. Помню, как танцевал, счастливый, с кошкой на руках.

– Спасибо, Лисенок!

Она таращила на меня круглые глаза, урча глухо, как закипающий чайник, и слегка шевелила хвостом.

Мы с Лиссой начали встречаться. Причем заранее не стоваривались. Я просто шел на ее свет, отраженный от автомобильных стекол, от магазинных витрин и зеркал. А она шла навстречу мне. Это было что-то вроде притяжения планет. Что-то мистическое и в то же время естественное. Я не знал ее телефона и адреса. Но нас влекли друг к другу незримые золотые нити, связавшие наши души крепче брачных уз.

Очень скоро мы стали жить вместе. Лисса перебралась ко мне – в мою опустевшую после ухода жены квартиру и сразу наполнила ее новой жизнью, радостью, солнцем. Мы поставили в гостиной маленькую елочку, и она

светила нам, отгоняя холодный мрак от наших окон и сердец. А потом случилось странное.

На второй день после рождества мы с Лиссой завтракали на кухне, смеясь и перебрасываясь глупыми шутками. Вы когда-нибудь замечали, как глупеют люди от счастья, становясь почти как дети? А потом я отлучился буквально на пять минут – покормить кошку. И в это время Лисса исчезла.

Нет, она не вышла из квартиры. Я не слышал, как хлопнула дверь. Спряталась? Но зачем? Я медленно обходил ванную, спальню, гостиную, кухню. Заглядывал, как дурак, под стол и стулья.

– Ты что-то потерял? – поинтересовалась Лисенок, лежа на подушке и одну за другой вылизывая розовым язычком свои рыжие мохнатые лапки.

– Не что, а кого, – буркнул я. – Ты не видела, куда делась Лисса?

Кошка хмыкнула. Ну, во всяком случае, издала очень похожий звук.

– Так где она? – спросил я нетерпеливо.

Кошка лениво потянулась.

– А нигде. Твоя Лисса – это мой сон. А значит, когда я не сплю, ее нет. Засну – появится. Не переживай. Но я не могу все время спать. Мне надо есть, пить, ходить в лоточек. Играть опять же. Кстати, я бы не отказалась от новых мячиков. Старые уже все разгрызла. И когтеточку размотала, надо бы новую.

Я смотрел на свою кошку и не мог понять, что она говорит. Моя Лисса – ее сон?

– Ты шутишь?

– Я никогда не шучу, – ответила Лисенок с достоинством и, отвернувшись от меня, принялась вылизывать заднюю лапку.

Я сидел, ошарашенный, с каким-то сумбуром в голове, когда в комнату, зевая, вошла моя любимая. Я искоса взглянул на кошку – она тихо сопела, свернувшись клубочком, похожая на лисью меховую шапку.

– Где ты была? – набросился я на Лиссу, не в силах больше сдерживаться.

– Не знаю, – ответила она, потирая глаза. – А что?

– Ничего, милая, прости.

Я встал и обнял ее, прижав к себе крепко – чтобы ощутить, что она из плоти и крови, настоящая, что не развеется от моего прикосновения, как туман над рекой от первых лучей солнца. Я прислонился щекой к ее щеке, чувствуя струящееся от нежной кожи тепло.

И знаете, что я понял в ту минуту? Что нет никакой разницы, кого ты любишь – человека или чей-то сон. Человек может уйти. А спящий – проснуться, и сон развеется, будто его и не было. А твоя любовь останется с тобой, пока ты сам ее не прогонишь. Но и тогда она остается – воспоминанием, письмами, картинами на стенах. И когда-нибудь ты осознаешь, чем бы все ни закончилось – ты стал на одну любовь богаче.

Пять счастливых лет прожили мы втроем. И за все это время Лисса ни разу не спросила у меня: «Почему твоя кошка все время спит?» Но иногда смотрела на нее задумчиво и странно, немигающим лунным взглядом.

Она никогда не спрашивала: «Как зовут твою кошку?» Но однажды, роясь за чем-то в ящике стола, наткнулась на ее старый ветеринарный паспорт. Полистала и молча протянула мне.

Когда-то мои родители делали Лисенку прививки от кошачьих болезней. Тогда же они дали ей кличку – ту, что потом забылась, сменившись ласковым прозвищем. А сейчас я держал ее ветеринарный паспорт, в который было вписано имя: «Лисса». Вот как ее на самом деле звали. А я – все Лисенок да Лисенок...

А кошка Лисса спала. За эти годы она совсем состарилась, даже можно сказать, одряхлела. И почти не просыпалась. Мне с трудом удавалось скормить ей две-три ложки супа в день. Отощала она так, что превратилась в скелетик, обтянутый рыжей шкуркой. Я купил Лисенку целую гору разноцветных мячиков и смастерил несколько прекрасных когтеточек. Но ей ничего уже не было нужно.

Я с ужасом смотрел, как из ее тщедушного тельца уходит жизнь, и понимал, как хрупко и мимолетно мое счастье. Когда Лисенок умрет, моя любимая исчезнет, уйдет в небытие, в страну волшебных сновидений, откуда она и явилась.

А может, думал я иногда с надеждой, уснув вечным сном, кошка Лисса будет и дальше грезить, творя мой мир и мое счастье?

Может быть, я и сам – всего лишь чей-то сон?

Иногда, возвращаясь пешком с работы, я поднимаю взгляд к небу и вижу, как молочной рекой текут в бескрайней синеве облака, и вдруг среди них замечаю – острые уши, огромную голову, подсвеченную теплой желтизной заходящего солнца, мягкий белый хвост. Гигантская кошка мирно спит, свернувшись клубком в вышине. Потом ее облачное тело расплывается и редет, расползаясь на туманные белые куски. Но я понимаю, что она все еще там.

Она грезит реками, долинами и лугами, полными цветов, канареечными рассветами и огненными закатами, черным грозовым океаном и бирюзовыми приboями. Она дремлет и тихо дышит через нос, отчего у нас внизу, на земле, поднимается ветер. А если проснется – ведь ни одна кошка не может спать вечно – то что будет с миром? Что будет со всеми нами? Я не знаю. И, наверное, не хочу знать.

Командная игра «Четыре грани – 2». 3 этап

Веточка

Джон Маверик

Был ли это сон или час ночной таинственной жизни... Но ярко светила луна, и лес чернел по обе стороны от шоссе, безмолвный и таинственный, как ночной океан. Мелькали, проносясь мимо, светлые березовые стволы, окутанные прозрачным туманом, как невесты – фатой. И темные, кряжистые – дубовые. И разлапистые силуэты молодых елок. И черные островки кустарников. Деревья подступали почти к самой дороге, словно готовясь поглотить ее. Лес – стихия грозная и древняя. Но я его не боялся. Мой дедушка был лесником, и сколько тропинок исходили мы вместе, забираясь в самые дикие чащи – не счесть.

Я расслабленно вел машину, придерживая руль одной рукой. А другой – крутил настройку приемника, надеясь поймать какую-нибудь музыку. Но радио молчало. В ветровое стекло лилось призрачное, серебряное сияние и сверкали россыпью звезды. Отчего казалось, что я не еду по ночной дороге из гостей, а лечу на ракете сквозь открытый космос. Видение, мелькнувшее в свете фар, заставило меня ударить по тормозам раньше, чем я сообразил, в чем дело. Я съехал на обочину и включил аварийные огни.

Маленький синий форд врезался в дерево на полном ходу. Обойдя его полукругом, я заглянул в машину – и меня затрясло. Даже не проверяя пульс, я видел, что водителю – молодой женщине – уже не помочь. Но все-таки прикоснулся к ее холодному запястью – и отпрянув, растерянно огляделся. Чуть поодаль, похожий на сломанную куклу, лежал ребенок. Мальчик лет пяти в шерстяном костюмчике. Больше я ничего не заметил, кроме его неестественной позы. Но ребенок был жив и даже слегка постанывал, а может, тихо плакал.

Вообще-то, я из тех мужчин, которые при виде крови падают в обморок. Но сейчас я не мог себе такого позволить. Пока я дрожащими руками доставал из кармана телефон, пока набирал номер службы спасения и, запинаясь, объяснял оператору, где нахожусь и что случилось – драгоценные минуты утекали. Пока бегал в свою машину за аптечкой и – очень осторожно, потому что ребенок был, казалось, весь переломан – пытался оказать первую помощь – из маленького тельца уходила жизнь. Каким-то обостренным чутьем я это ощущал – что еще чуть-чуть и будет поздно. Вероятно, уже поздно...

И тогда я сделал нечто странное. Нечто такое, чего сам от себя не ожидал. Я отломил веточку от ближайшего куста и зажал ее в зубах.

Как будто повторялся тот далекий вечер, без малого двадцать лет назад, когда мы с дедом шли вдоль такого же темного шоссе, и так же резко выделялся в небе белый круг луны, и, словно политый рыбьим жиром, серебрился асфальт. Лисенка сбили на наших глазах. Все произошло в один миг – на огромной скорости навстречу нам пронеслась машина, и маленький зверек отлетел на обочину. У меня в ушах еще долго стоял его жалобный визг. Мы с дедом приблизились. Малыш умирал, его задние лапки были полностью раздавлены, а рыжая шерстка, мягкая, как пух, намокла и потемнела от крови. Он как-то странно корчился и, поскуливая, крутил головой.

– Скорее! – я ухватил деда за рубашку и потянул так сильно, что чуть не оторвал рукав. – Надо отнести его к врачу.

Но дедушка только грустно покачал головой.

«Он уже не жилец», – означал этот жест.

Я не хотел верить. Хотя в глубине души поднималось отчаяние – и страстное желание хоть как-то прекратить страдания крошечного существа. Я видел, что и дед раздумывает над этим. Ружья у нас не было. И все, что он мог сделать – это поднять с дороги большой камень и... Но я не успел додумать эту страшную мысль до конца, потому что со стороны окутанного темнотой леса послышался какой-то шорох. Мы торопливо отступили за ближайšie кусты.

Из-за деревьев на освещенную луной обочину вышла взрослая лиса. Посмотрела на малыша и, пригнув морду к земле, подхватила с лесной подстилки веточку. Короткую, с двумя резными листьями – я почему-то запомнил ее отчетливо. Так и стояла с веткой в зубах, глядя на детеныша немигающим взглядом.

Вдруг как будто из-под земли вырос столб яркого белого света. А может, он спустился с неба. Я едва успел моргнуть. Он казался живым, этот свет, переливался и тек, и медленно перемещаясь, направлялся к лисенку. Добрался – и окутал его целиком. На мгновение сияние сделалось голубым, вспыхнуло так, что я зажмурился – и пропало. А лисенок вскочил на все четыре лапы и, как ни в чем ни бывало, потрусил вслед за мамой-лисой обратно в лес.

Наверное, час спустя я вновь обрел дар речи. К тому времени мы с дедом уже вернулись домой и пили горячий чай на терраске.

– Дедушка, что это было? – спросил я. – Там, в лесу.

– А, – он задумчиво пожевал губами, – это... Это такая лесная магия. Я наблюдал нечто подобное пару раз. Веточка, свет – и умирающий зверь как новенький. Один раз олень спас таким образом другого оленя. Вернее, олениху. Ее ранили охотники... тяжело ранили... и она лежала как мертвая. У нее уже мухи ползали по глазам. В другой раз... ты удивишься, Марек... но заяц вылечил кабанчика. Его тоже сбила машина на дороге. Совсем небольшой полосатый кабанчик, еще сосунок, месяца полтора, не больше.

Потрясенный услышанным, а главное – недавно пережитым, я забросал его вопросами.

– А как они это делают, дедушка? Читают какое-то заклинание? О чем они думают? Какая нужна веточка?

Но дед лишь пожимал плечами.

– Не знаю. Как делают... А вот так, берут и делают. Кто ж их, зверье лесное, разберет? Какие еще заклинания? Звери не умеют говорить. Думать они тоже не могут. Мысли состоят из слов. А как раз слов-то у них и нет. А с какого дерева ветка? Да вроде с любого. Олень в тот раз откусил ее с орешника. А лисица подобрала дубовую. Заяц... не помню. Да зачем тебе?

22

А я и не знал зачем. Так, любопытство. Дети – да в общем-то, и взрослые – жадны до всего необычного. А сейчас я сам стоял над телом умирающего ребенка, сжимая веточку в зубах и умоляя неизвестно кого спасти жизнь несчастному мальчику и, если это возможно, оживить его мать. Пусть я человек, а не зверь лесной, но разве не все мы вышли когда-то из леса? Разве не сохранили его в наших сердцах, может быть чуточку, в самом потайном уголке, но сберегли?

Конечно, мне не узнать, о чем думали эти животные. Скорее всего, ни о чем. Но они верили – а точнее, доверяли – Богу, лесу, самим себе. Их наивная молитва творила чудеса исцеления. И усилием воли я отключил разум. Осталась только вера. Слепая, глупая вера в доброе волшебство.

И взметнулся у моих ног столб ослепительного белого огня... Испуганный, шархнулся от него какой-то ночной зверек и затаился в двух шагах, глядя на меня круглыми недоверчивыми глазами. Его манил целебный свет, и в то же время страшил, и пугала близость человека. Напрасно. Я не желал зла ни одной лесной твари. А в сущности, что я мог ему сделать?

Подарок на Рождество

Юлия Лавданская

Богатая квартира, вечно безмолвная и пахнувшая музейной строгостью, в один из обычных тихих предрождественских вечеров, внезапно наполнилась голосами, стуком и шорохом. В прихожей кто-то снимал куртки, грохал об пол тяжелые сумки и переговаривался.

– Ааа! Я не достаю, повесь мне!

– Давай, давай... ботинки не бросай, вот сюда ставь!

– Ключи! Ключи где? Ну, чебурашки, опять в двери оставили!

– Мам, а где здесь «одно место»?

Пётр Афанасьевич, в глубоком кожаном кресле читавший с трудом книгу через очки с толстенными стеклами, перепугался. Потянулся рукой к телефону, но не сумел сходу нашарить его.

23

Он растерялся и не мог сообразить, что делать.

Жизнь Петра Афанасьевича в уходящем году претерпела крутой перелом. Страшное слово «п е н с и я», мысли о которой усиленно отгонялись и упрятавались в углы сознания, – всё же, материализовалось. Нет, пенсионером-то он стал давно, но работать не переставал... пока мог. «Пенсия» всё же победила в неравной борьбе, и союзником её стало предательское здоровье, точнее, нездоровье. Последнюю подножку подставило зрение. И наступил тот самый «будущий век», в который не хотелось верить. Пётр Афанасьевич, совсем недавно необходимый огромному количеству людей, руководитель и оппонент нескольких актуальнейших научных разработок, организатор великих проектов, автор неожиданных открытий, – теперь будто потерял свою сущность. Пространство огромной комнаты с книжными шкафами по всем стенам было ему незнакомо и чуждо, ибо никогда ранее он не проводил здесь свои дни. Неожиданно оказалось, что отсутствие собеседников тяготит его, что хочется озвучивать свои мысли... но кому, книгам? Ноутбуку? Зеркалу? Страшной ядовитой тоской стало подползать о д и н о ч е с т в о. Родных не осталось, сестра давно умерла, своей семьи так и не завёл. Немногочисленные соседи в элитном подъезде не горели желанием просить соли, предпочитая пользоваться услугами курьеров. К собакам и кошкам не было привычки.

Пётр Афанасьевич стал задумываться о смерти. Он никогда не считал себя верующим, но теперь вопросы – а что там?.. а как там?.. – сами собой овладевали им и настойчиво просили ответов, которых не было пока. А была рядом только тишина. И пожилая домработница, которая не нарушала, а, наоборот, словно воплощала эту тишину.

Шум переместился из прихожей в коридор и ворвался в комнату, где сидел с книгой на коленях застигнутый врасплох Пётр Афанасьевич, материализовавшись, как показалось ему, в толпу младших школьников.

– Дедушкаааа! – завизжала толпа и набросилась на беднягу, который и успел только подхватить с носа очки. Когда, начмокав старика во все щёки, толпа схлынула, младших школьников оказалось всего двое – стриженная белобрысая девочка лет восьми и паренёк помладше.

Неловкая пауза, готовая уже было повиснуть, растворилась в воздухе, потому что вошла женщина – невысокая, симпатичная, с букетом георгинов в руке – и, внимательно поглядев прямо в глаза ошарашенного хозяина квартиры, произнесла, чуть дрогнувшим голосом:

– Ну, здравствуй... папа!

Петр Афанасьевич не мог придумать, что сказать, и сообразить, что нужно делать. Наконец, он спросил то, что витало в воздухе:

– Откуда у вас ключи от моей квартиры?

Вместо ответа женщина подошла к старику, крепко обняла его и вложила в его руку букет. Потом сказала, обернувшись к детям:

– Подите-ка на кухню, разберите пакет с продуктами, чай будем пить. И чайник там поставьте! Сообразите?

– Сообразим! – кивнула девочка, и дети исчезли.

Пододвинув стул, женщина села рядом с Петром Афанасьевичем, еще раз взглянула прямо в глаза ему, и сообщила:

– Я Катя. И Вы мой папа. А у Вас работает Татьяна Ильинична Мохова, подруга моей мамы, она жила от нас через дом. Я, когда решила ехать в Москву, созвонилась с ней, да и приехали мы сначала к ней. А она рассказала про Вас... я ведь не знала ничего!

Вы были у нас в посёлке, когда там археологическая экспедиция... курган раскапывали. Вы, наверное, руководили, я это не очень поняла. Мою маму звали Надеждой. Она Вас помнила, немножко рассказывала мне. Но больше мы ничего не знали. А тётя Таня, выходит, знала... Вот, говорит, съездите, познакомьтесь с отцом! И ключи свои дала. Она, кстати, звонила Вам, но Вы не брали...

Петр Афанасьевич мало-помалу пришёл в себя. Надежду он вспомнил. Но ни о какой Кате и понятия не имел. Вот так Татьяна, тихоня эдакая! Подсунула родственничков из Малеевки! Внезапно он рассердился. Эта незнакомая Катерина сначала вотрётся в доверие, а потом велит разменивать квартиру! А самого в богадельню сдаст, знает он такие случаи, да и не такие ещё! Не дурак! Сейчас он встанет, укажет на дверь и гневно воскликнет – выметайтесь вон из моего дома...

...Однако, браниться, выяснять подробности, вглядываться в документы и пытаться отбояриваться ему, почему-то, не захотелось. Он поймал себя на странном ощущении, что его... как бы это... Услышали! И произнёс совсем не то, что было собрался:

25

– Катерина, – сказал он, – достаньте-ка вон ту вазу, поставим ваши цветы.

Петру Афанасьевичу вдруг стало даже весело! Он – дедушка? К нему приехали – внимание! – внуки? Неприятный разговор может подождать, не правда ли? Всё скажу, решил он. Но потом.

Он встал, поставил яркий деревенский букет в вазу, куда Катя уже налила воды, и пошёл на кухню. Там белобрысая искала в шкафу чашки, влезши на стул, чайник уже шумел, а мальчик пытался ножом разрезать ленточку на коробке с тортом.

– Давай помогу, – улыбнулся Пётр Афанасьевич. – Тебя как зовут?

– Пётррррр! – гордо ответил тот.

– Вот как? Тёзка мой?

– А я Маша! – сообщили со стула. Дедушка, а где у тебя чашки?

– Чашки? Давай посмотрим... Видишь, тут Татьяна Ильинична хозяйничает, а я, к стыду своему... ага, вот они! И чашки, и блюдечки! Давай, неси на стол.

В этот вечер телефон Петра Афанасьевича терпеливо принимал один за другим вызовы и сообщения с одного номера, но хозяин, забыв его в кожаном кресле, так о том и не вспомнил.

Что происходит? Он пьёт чай с гостями? С родственниками, которых у него отродясь не бывало? Да ещё с детьми? Да он ли это, да его ли дом?

Разговор шел легко, дети оказались вежливыми, но общительными. Пётр Афанасьевич рассказывал о своей работе. Катя – о маме, о своих родных местах, о причинах переезда в столицу – чтобы перевести детей в хорошую школу, которую посоветовала ей та же тётя Таня. Сама Катя была дизайнером в мебельной компании и работала онлайн.

А муж ее умер три года назад.

– Онкология. Что будешь делать. Тяжело было, да... ну, жить надо же, – говорила она. – Я тут сняла квартиру. Неплохая, правда, до Вас долго ехать! Но это ничего...

Пётр Афанасьевич ощутил крепкий подзатыльник совести. «Так-то? – спросил беззвучный странный, но будто бы знакомый, голос. – В богадельню, говоришь? Не узнав человека, решаешь за него? Да это соломинка твоя, это подарок тебе... на Рождество!»

«Чьё Рождество?» – подумал в ответ старик.

«Моё!» – прошептал голос и растворился внутри Петра Афанасьевича.

Через год на Рождество посреди огромной комнаты вместо антикварного стола и кожаного кресла красовалась высокая украшенная ёлка. Другой стол, длинный, накрытый белой скатертью, стоял сбоку, у стены, и за ним сидели, оживленно болтая, одноклассники Маши, друзья Пети, бывшие сослуживцы Петра Афанасьевича с жёнами и детьми... Татьяна Ильинична и Катя потчевали гостей, улыбались и чокались с ними. Пётр Афанасьевич рассказывал Игорю Павловичу и Егору Вадимовичу, как ходил в школу на новогодний спектакль.

– Так моя Мария там Главная Снежинка была! Всем указывала, какие кому па выделывать! – говорил он с удовольствием.

2023 год. Проза. Выбор автора

Консервная банка

Таёжник

Витька лежал на чердаке и рассуждал о прожитом дне. А день выдался на редкость счастливым – у него появился велосипед!

Утром, по пути на рыбалку, он обнаружил его в березняке. Совершенно новый, с блестящими ободами, и даже с насосом на раме, он стоял прислонённый к дереву.

«Грибник, наверное, или травник какой в лесу», – резонно подумал Витёк и продолжил путь к озеру. Но когда часа через три возвращался назад, велик к его удивлению, по-прежнему стоял на том же месте. Смятение в душе тринадцатилетнего подростка было не долгим – он давно уже мечтал о таком взрослом велосипеде, и сейчас не мог упустить счастливый случай. Нет, Витька не сразу вскочил на седло – он с минуту тренькал звонком, затем, сложив ладони рупором, несколько раз аукнул. Тишина. И вот, когда уже хотел трогаться в путь, то неожиданно босой ногой нащупал какой-то предмет, прикрученный к одной из педалей. Это оказалась обыкновенная консервная банка, вертикально закреплённая проволокой. К чему была эта нехитрая конструкция, мальчишка размышлять не стал и по-быстрому открутив помеху, погнал по тропинке. Велик был удивительно лёгкий на ход и Витька, ликуя от восторга, уже скоро подкатил к заднему двору дома.

27

И вот он лежал на набитом соломой матрасе и рассуждал о своём поступке. Вернее, искал ему оправдание:

– Ну, взял. Не украл же. Завтра ещё перекрашу и велик мой! Попробуй, докажи! Да любой бы так поступил. Даже мой дед...

Дед? Своего деда, прошедшего всю войну, он очень любил. В их семье так сложилось, что Витькиным воспитанием занимался исключительно дед. Рукастый и смекалистый, он приучал внука к крестьянскому труду, ненавязчиво прививая понятия мужской ответственности и заботы. И теперь Витька пытался представить его на своём месте: вот возбуждённый дед приносит в дом какую-нибудь чужую вещь. Допустим, коромысло. И заговорщически шепчет:

– Глянь, Витёк, что принёс! У колодца кто-то забыл. Ишь, какое ладное – наше будет! Перекрасим только.

Нееет! Не похоже на деда совсем. Значит, что-то не то.

– Ладно, – уже засыпая, решил Витька, – завтра ещё подумаю.

– А, вот ты где затаился, – дед вошёл в сарай, когда Витька размешивал загустевшую от времени синюю краску с олифой, – Дай-ка покурю тут, присяду в тенёчке. Жара такая с утра.

На удивление дед ничего не спросил о невесте откуда появившемся велосипеде. Он присел на чурку и, закулив самокрутку, вдруг сказал:

– Вот, какая, Витёк, история однажды у меня на фронте случилась. Нашёл я в окопе зажигалку.

Из бойцов кто-то обронил. Хорошая такая, немецкая. Трофейная, явно. И так она мне приглянулась, что я не стал расспрашивать товарищей – мол, не терял ли кто? Прибрал к рукам, короче. И вот как-то идёт бой – вялый такой. Постреливаем одиночными из окопов по немцам, а они по нам. Вдруг из другого конца траншеи, пригнувшись, подбегает ко мне боец и просит прикурить. Зажигалку, – жалуется, – потерял где-то.

Я без задней мысли протягиваю ему свою недавнюю находку. Товарищ повертел её в руках, прикурил. Потом посмотрел мне в глаза и, чувствую – что-то сказать хочет.

Но он, сделав пару затяжек, похлопал меня по плечу, улыбнулся и побежал на позицию. Да вот только не добежал. Немецкий снайпер всё-таки улучил момент.

Вот я до сих пор и мучаюсь думкой – а будь у него зажигалка, то не бежал бы солдатик ко мне и, глядишь, жив бы остался. И почему он не забрал у меня свою потерю? Ведь, по глазам было видно – признал вещь! Может, смерть свою скорую почуял, да решил мне на память зажигалку оставить? Или в назидание?

Это я к чему тебе, Витёк, рассказал – найденное добра не приносит. Нашёл – не торопись присваивать, поищи растеряшу. Дед встал, и уже выходя из сарая, как бы между прочим, сказал:

– Хороший велосипед. На одну пенсию, небось, не купишь. Я днями на деревне конюха Василия повстречал. Тоже велосипед купил. А вчера вечером жалуется: уже утерял. Поехал, говорит, на счёт грибов разведать, а велик пока к берёзке притулил. Ходил, ходил, да чуток заблукнул – памяти-то ничего не осталось после контузии. Пока вышел из лесу, а конь-то мой железный – тютю! Новый хозяин, видать, лучше кормит!

Витька приподнял голову:

– Дед Василий? Так он же одноногий! Как он на велике-то?

– Как... Коленка-то цела, нога гнётся – освоил! Банку только к педали приторочил, чтобы протезный набалдашник в неё вставлять – и вперёд! Ну, ладно, Витёк, по двору управляться надо... Пойду!

Потрясённый новостью, Витька не замечал, как краска тонкой струйкой стекает с кисти на босую ногу.

Перед глазами у него стоял старый конюх дед Василий. Любимец детворы. Фронтовик, потерявший на войне ногу. «За мою жизнь воевал ведь тоже... А я у него велосипед... Как я не мог сообразить про эту банку на педали!» – Витька ещё долго сидел и размышлял: то о рассказе деда про зажигалку, то о велосипеде, но он уже точно знал, как поступит дальше.

Когда он керосином смывал несколько мазков свежей краски, которые только и успел нанести, в сарай вновь заглянул дед и протянул пустую консервную банку:

– На вот... должна подойти...

Волшебный фонарь

Джон Маверик

Недалеко от моего дома есть перекресток, а над ним висит едко-желтый фонарь. Самый обыкновенный, забранный в чугунную решетку, он загорается в сумерки, разбрызгивая яркий, масляный свет на серый асфальт и на бетонную стену соседнего здания. Моя бабушка, мир ее праху, когда еще была жива, говорила, что это место не простое и что раз в пятьдесят-сто лет на нем совершаются чудеса. То есть, во все ночи это перекресток как перекресток. И фонарь над ним как фонарь, но однажды его свет из желтого становится малиновым и меняет все вокруг, и тогда на него, как мотыльки на свечу, слетаются ангелы. Кто это такие и как они выглядят, она мне, тогда еще маленькому, объяснить не смогла. А может, просто не захотела, потому что в детстве я был настоящим непоседой. Обычно бабушки знают все, но рассказывают только тем, кто умеет слушать. Она добавила только, что ангелы живут на небе, что на кончике иглы этих созданий умещается никак не меньше сотни, и что в ночь малинового фонаря они исполняют любые, самые заветные мечты.

– А если у меня нет мечты? – спросил я тогда.

Бабушка хитро прищурилась.

– Так-таки нет? Неужели тебе ничего не хочется?

Я обдумал ее вопрос.

– Не-а.

– У каждого есть мечта, – строго сказала бабушка. – Иногда маленькая, как спичечная головка. Иногда огромная, как дом. Но всегда самая-самая. Она записана у человека в сердце, и ангелы могут ее прочитать.

Я кивнул. В бабушкины сказки полагалось верить без лишних вопросов.

Однажды, возвращаясь из гостей, я замешкался на знакомом перекрестке. Ночь выдалась не то чтобы жаркой, но душной и очень теплой для поздней весны. Я остановился у фонаря и расстегнул пиджак. И вдруг почувствовал – что-то изменилось. Запах, свет... я даже не понял сначала, что именно. Словно нечто иное, чуждое витало в воздухе, едва уловимое, как аромат хороших духов.

А затем мой взгляд уперся в стену. Уж кто, как не я, знал эту уродливую бетонную коробку, словно неуклюжий навозный жук одним углом выползавшую на тротуар. В ней находилась копировальная фирма, в которой я еще школьником проходил совершенно бестолковую и бесполезную практику. Каким-то странным колдовством это нелепое строение превратилось в двухэтажный кирпичный дом, старинного вида и словно обожженный временем. Его фундамент порос мхом, как лесной пень. Я

изумленно потер глаза. Но удивительный дом остался на месте. Мог ли я заблудиться? Вряд ли... Эту дорогу я изучил не хуже, чем свою собственную квартиру. Я посмотрел вниз и увидел, что вместо асфальта под ногами у меня расстилается булыжная мостовая. В тусклом сиянии фонаря она красновато блестела, словно мокрая – не то от пролитой крови, не то от вишневого сока. А фонарь... ну что фонарь? В первую минуту я решил, что он вот-вот перегорит. Иначе с чего бы вдруг его свечение так ослабло и обрело столь редкий оттенок?

А потом я вспомнил бабушку, ее сказку о небесных созданиях, исполняющих мечты, и подумал: а ведь это она, наверное, и есть, ночь малинового света. Не скажу, что с тех пор у меня появилась настоящая мечта. Желания и планы – да. У кого их нет? Но это ведь совсем другое. Их носят в уме, а не в сердце. Оставалась, правда, надежда на ангелов – этих незримых друзей человека мечтающего. Наши души для них как открытая книга. Пусть почитают в моей – и поймут, чего я на самом деле очень-очень хочу. Даже если сам я об этом не догадываюсь. И я решил немного подождать, а пока разглядывал крупных ночных мотыльков, серым облаком вьющихся вокруг фонаря. Они мало походили на ангелов – скорее, на крохотные тряпочки – и едва ли могли уместиться на булавочном острие. Но все равно я посматривал на них с уважением. А вдруг?

– Эй, приятель, огонька не найдется? – раздался за моей спиной мужской голос, после чего кто-то протяжно откашлялся и, судя по звуку, сплюнул на мостовую.

Я обернулся. В круге малинового света переминался с ноги на ногу низенький лысый старичок и рассеянно мял в пальцах незажженную сигарету. Нет, хотел ответить я, но в этот момент вспомнил, что еще вчера собирался на вечеринку с грилем и поэтому положил в карман зажигалку. Какая удача!

– Вот, – улыбнулся я, – пожалуйста.

Благодарно кивнув, старичок закурил и с наслаждением выпустил в темно-малиновое небо беловатую струйку дыма.

– Вот ведь ночь проклятая... Темно, как в преисподней. Последний фонарь на улице – и тот перегорает. Курить хочется ужасно, спички дома забыл, а у кого ни спросишь – у всех эти... будь они неладны, вейпы. Хорошо, хоть вас встретил. Просто счастье какое-то.

Он ушел, продолжая кашлять и бормотать себе под нос. А я развеселился, представив, что только что, вероятно, исполнил чью-то заветную мечту – встретить человека с зажигалкой в кармане. Что там бабушка говорила про спичечную головку?

Может быть, и моя мечта – столь же глупая и маленькая, подумал я, и даже наверняка она такая. Поэтому торчать ради нее среди ночи на пустынном перекрестке – едва ли стоит. И самое разумное сейчас пойти домой и лечь спать. Но не успел я и глазом моргнуть, как из темноты, окружавшей фонарь,

вынырнул мальчишка. Белобрысый, совсем небольшой, лет семи, наверное. Он уставился на меня круглыми, испуганными глазами и, тихо ойкнув, прикрыл рот ладошкой.

– Ты, пацан, почему так поздно гуляешь? – удивился я. – И где твои родители?

– Дома, – буркнул мальчишка. – Они не знают, что я здесь. Я без спроса ушел.

– А что случилось-то? – забеспокоился я. – Давай я тебя провожу? Где ты живешь?

Но ребенок заупрямился.

– Я ходил в ночной магазин. Тут, за углом. У мамы завтра день рождения, а я забыл про подарок, вот, хотел купить...

– Ну и? – поинтересовался я. – Купил?

Мальчик опустил голову.

– Нет... Я видел такую... расписную кошку... из фарфора. Мама их собирает. Но оказалось, что в ночном магазине она на пять евро дороже. И я...

– И у тебя не хватило денег?

– Да...

Усмехнувшись, я извлек из кармана слегка помятую купюру и протянул мальчишке.

– Да не вопрос! Беги в свой магазин. И сразу – домой. Обещаешь?

– Обещаю! – прокричал он уже на бегу и скрылся за углом странного кирпичного дома.

Я проводил мальчишку взглядом и пожал плечами. Мечтала ли его мама о расписной кошке? Все возможно, коллекционеры – немного чудные люди. Или он сам целый год копил монетки, экономя Бог знает на чем, на мороженом, на булочках с корицей, на кино, на проезде... И мечтал порадовать маму в самый главный для нее день?

А потом непонятно откуда появился бродяга или, может, бездомный, небритый пьянчужка... одним словом, какой-то опустившийся тип в грязной майке и замызганных пижамных штанах. Окинув меня мутным взором, он без обиняков заявил:

– Я всю жизнь мечтал о таком пиджаке, как у тебя!

– Ну, если всю жизнь... – растерялся я и, сняв пиджак, отдал ему.

Даже не сказав «спасибо», пьянчужка выхватил его у меня из рук и размашисто зашагал прочь.

Хорошо, что ночь такая весенняя. Я стоял, наблюдая за волшебным полетом ангелов, как они то гасли серебряными искрами, покидая малиновый круг, то стукались о стеклянный плафон. В их танце, казалось, не было никакого смысла, кроме извечного стремления к свету. Вот о чем не рассказала мне бабушка, из-за того, что я невнимательно слушал. Освети свое сердце ярче – и

ангелы слетятся туда. Я смотрел и размышлял, и мне становилось все легче и легче, словно не пиджак я сбросил с плеч, а тяжелый груз.

Женщина, немолодая, седовласая, вышла из-за угла кирпичного дома и, нерешительно потоптавшись на месте, повернула обратно... Снова вернулась и робко приблизилась ко мне.

– Простите, это же Бергштрассе? Дом один? Или нет?

– Трудно сказать, – ответил я. – Но думаю, да.

– Мне кажется, я заблудилась, – призналась женщина. – Не узнаю этот дом. И улица какая-то незнакомая. Я уже полчаса хожу, как во сне, и не могу понять, где я.

– Я, если честно, тоже.

Она внимательно и тревожно взгляделась в мое лицо, и вдруг улыбнулась – светлой и печальной улыбкой, словно окошко в ясный день приоткрыла – а там золотой листопад и яблони стоят, усыпанные плодами.

– Вы такой красивый и молодой, совсем юный... И так похожи на моего покойного мужа. В тот день, когда мы впервые гуляли по городу. Мы были бедными студентами, обоим по девятнадцать лет. И он пригласил меня в какую-то дешевую забегаловку... Мы купили один бутерброд на двоих и по стакану томатного сока... И знаете... мне случалось с тех пор бывать в очень дорогих ресторанах. Но нигде не кормили так вкусно, как в том маленьком кафе под липами...

– Понимаю, – кивнул я.

– Правда, понимаете? – обрадовалась женщина. – Я почему-то так и думала, что вы поймете. У вас такое лицо... и еще этот свет... Такой необычный. Он догорает, да? Этот фонарь? Догорает, как моя жизнь. Но в его прощальных красках столько грусти и красоты... Вы не представляете себе...

– Представляю.

– А можно... – попросила она, смущаясь, – можно, я вас поцелую? Только один раз! И это будет так, как будто я снова целую его...

– Да, – сказал я и прикрыл глаза.

Она легко коснулась губами моих губ, и на меня повеяло тонким цветочным ароматом ее шампуня, благоуханием молодости и надежды, счастьем первого свидания и чем-то еще – ностальгически-прекрасным.

– Благодарю вас, – шепнула она и ускользнула во тьму.

А я с трудом перевел дух. Голова кружилась. И я совсем не удивился, когда на моем перекрестке замаячил почти двухметровый детина в фирменной куртке Кауфхауса. Я только очень надеялся, что он не попросит мою рубашку или брюки, как тот бродяга, и не сочтет меня слишком красивым, похожим на кого-нибудь из его бывших друзей или возлюбленных.

Но он подошел и вежливо поздоровался, и даже протянул мне руку, которую я – с некоторой опаской – пожал.

– Вы меня, наверное, видели, – доверительно сообщил он. – Я работаю охранником в супермаркете. То есть, стою у дверей и говорю покупателям «доброе утро», «добрый день» или «добрый вечер». Как попугай.

Надо сказать, что и куртка у него была расцветки попугайской. Я улыбнулся. Вернее, мы улыбнулись друг другу, как давние приятели.

– По сути я делаю то же самое. Только по телефону.

– Ну, значит, мы почти коллеги. А хотите, – предложил он вдруг, извлекая откуда-то из-за пазухи тонкую синюю тетрадку, – я вам почитаю свои стихи? Мне кажется, они хорошие. Но никто не соглашается их слушать. Никто не верит, что у простого охранника может быть душа поэта.

– Я верю.

Он раскрыл тетрадку. И я увидел, что она – в клеточку. Обычная, школьная, и таким же ясным школьным почерком исписаны ее листы.

– Этот колдовской свет, – начал он, – всего лишь агония умирающей лампочки... А это небо...

Я поднял глаза. Сквозь красноватую дымку в небе сияли звезды. Но не обычные, а крупные, разноцветные, как луговые цветы. Желтые, как лютики, и белые, как маргаритки. Голубые, как незабудки. И даже розовые, словно космеи. Целое небо весенних цветов. И по этому небесному лугу текли молочные реки далеких созвездий. И царила в зените полная луна, глубокая, как озеро. Ее зеркальная гладь отражала притихший мир, фонарь, дом и нас двоих, стоящих на ночном перекрестке.

Обо всем об этом читал свои стихи неизвестный поэт, а может, о чем-то совсем другом. Я слушал и не слушал. А свет, между тем, разгорался все ярче, желтея на глазах. И прояснялся горизонт – ночь малинового фонаря подходила к концу.

– Вам понравилось? – застенчиво спросил охранник, скатывая в трубочку и убирая за пазуху свою тетрадку.

– Очень, – ответил я совершенно искренне.

Он снова пожал мне руку и ушел – легкой походкой, словно танцуя, что совсем не выглядело странным – в эту волшебную ночь, когда сбываются мечты.

Я тоже повернулся, чтобы уходить, и только в последний момент заметил его. Может быть, он стоял здесь с самого начала – на грани тьмы и света, старый, облезлый пес с лишайными пятнами на спине. Такой тощий, что ребра выпирали сквозь шкуру. Он посмотрел на меня и слабо шевельнул хвостом. И знаете, не нужно быть ангелом, чтобы прочитать в собачьих глазах одно настойчивое желание. Заветную мечту существа обездоленного, больного, у которого, возможно, никогда не было ни друга, ни дома. Или были – но остались в далеком счастливом прошлом, которое, казалось бы, никогда уже не вернуть. И только сегодня...

Я вздохнул.

– Ну что, бедолага. Пошли домой.

Стоило мне это произнести, как последний малиновый луч над моей головой погас. И стена, рядом с которой висел фонарь, снова стала бетонной.

В серых лучах рассвета я медленно брел по улице, а воспрянувший духом пес трусил рядом, не отставая ни на шаг. Он словно помолодел и приосанился, всем своим гордым видом как будто говоря: «Смотрите, смотрите, я теперь хозяйский!» А я раздумывал, как его назвать. Может быть, Джеком? А что, хорошее имя. Во всяком случае уж никак не хуже моего. И даже немного ему созвучно.

А что же я? Что такого заветного вычитали в моем сердце небесные хранители? Неужели всю свою жизнь я мечтал завести тощего, старого, лишайного пса? Похоже, что так.

Планета путешествий

II. Планета путешествий

Азартных и бесстрашных путешественников ждут захватывающие турпоходы, как в ближайшие к нам звёздные системы, так и высшей категории сложности – годовой марафон за звание Покорителя Вселенной (Лучший Прозаик Литгалактики) и Лучшего Туриста-Путешественника (Лучший Автор Малой Прозы).

А для любителей сразиться один на один – на планете Марс открыта замечательная дуэльная площадка.

Для тех, кто хочет поэкспериментировать с формами и жанрами, мы открываем новую площадку – Выбор пути.

Это творчество на стыке прозы и поэзии, а также короткие формы поэзии.

Прозаические конкурсы планеты Путешествий:

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Конкурсы рассказов о любви.

Земля – Созвездие Дракона. Конкурсы сказок и мифов.

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Конкурсы рассказов о животных.

Земля – Созвездие Жирафа. Конкурсы рассказов о детях и для детей.

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Конкурсы рассказов.

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурсы «Мои мемуары».

Выбор пути. Серия конкурсов прозы и поэзии «Выбери свой день».

Земля – Созвездие Рыси. Экспериментальные конкурсы прозы.

Земля – Созвездие Близнецы. Серия конкурсов «Начни с эпитафия»

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Диалоги»

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Техническая инструкция».

Земля – Орион – Минтака. Конкурсы 55-словников.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс Фонаризов.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Найди ответ».

Земля – Созвездие Мухи. Конкурсы абсурдизмов.

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Пятый конкурс рассказов о любви

Четыре женских портрета

Александр Сороковик

Бог не одарил меня талантами – я не рисовал, не писал стихов или рассказов. Умел только брэнчать три аккорда на гитаре и петь фальшивым голосом. Но взамен этого, Он наградил меня хорошим вкусом, а также способностями к точным наукам, что дало мне возможность получить солидное образование, очень неплохо зарабатывать и не только содержать семью, но и иметь возможность собирать интересные картины и книги. Конечно, не подлинники великих мастеров, а полотна современных художников, где зачастую попадались очень необычные вещицы.

В эту субботу я, как водится, вышел в Горсад на Дерибасовской, где возле ротонды собираются художники со своими полотнами. Это была и выставка, и продажа, и тусовка, где я был вполне своим, уважаемым гостем: не только рассматривал и критиковал картины, но и нередко покупал их для своей коллекции.

Ничего заслуживающего внимания сегодня я не увидел, пообщался с народом и хотел уже идти домой, как меня остановил Серёга – у него я покупал картины чаще всех, очень самобытный художник!

– Смотри, Костя, видишь, женщина пожилая на лавочке, в сторонке? Это вдова Павла Бестужева, слышал о таком?

– Конечно! И не только слышал, у меня есть пара его картин.

– Подойди к ней, пообщайся. Она не совсем в себе, но если разговорится, может показать работы мужа, которые у неё хранятся, и нигде не выставляются.

Я последовал мудрому совету и подсел к пожилой женщине. Она сначала держалась настороженно, но я говорил спокойно, ничего не просил, рассказывал о работах её мужа, которые видел на выставках, и про те, которые были у меня.

Мы стали общаться, всё там же, в Горсаду на скамейке. Мне очень хотелось напроситься к ней в гости, посмотреть картины: Бестужев, несомненно, был очень талантливым художником, но весьма нелюдимым, выставлялся редко, друзей у них с женой было очень мало.

Он умер около пятнадцати лет назад, и с тех пор практически забылся в среде ценителей – его вдова прекратила всякую связь с миром художников, не выставляла его картины, а держала у себя дома. В последнее время стала приходить к ротонде, но в разговоры особо не вступала, а все попытки прощупать почву насчёт продажи картин пресекала на корню.

Принимая особенности поведения женщины – звали её Верой Аполлинарьевной – я не торопил события. Мы разговаривали об искусстве, о

жизни, о поэзии. Однажды я пришёл к ротонде с только что купленной любопытной книжкой стихов малоизвестного поэта Юрия Мещерского, и она вдруг попросила разрешения посмотреть её. Сразу же открыла оглавление, просмотрела, разочарованно вздохнула. Немного полистала книжку и вернула мне.

– Павлик любил стихи Мещерского, и меня приуныл.

– Этого поэта мало кто помнит, – осторожно продолжил я тему, – он почти не издавался и ушёл довольно молодым.

– Да, его стихи всегда были не ко двору. Он писал о жизни, о любви, о природе. В начале XX века в моде был декаданс – «О, закрой свои бледные ноги», – она грустно улыбнулась, – а потом революция, чеканные строки про товарища Маузера.

– Он издавался мизерными тиражами, за свой счёт во времена НЭПа. Да и фамилия у него была для того времени слишком уж дворянская. Его расстреляли в 37-м...

– Неверно, – собеседница покачала головой, – он действительно умер в 37-м, но не в застенках НКВД (она произнесла это с иронией, словно передразнивая какого-то оратора), а от банальной лейкемии. Власти его просто не замечали...

В конце концов, в один из тёплых майских дней, она спросила меня, не хочу ли я посмотреть картины её мужа? Разумеется, я выказал живейшее согласие, и мы отправились к Вере Аполлинарьевне домой на двух трамваях с пересадкой – она категорически отказалась садиться в такси.

Наконец-то я попал в легендарную мастерскую забытого художника! Вернее, мастерская превратилась в склад набросков, эскизов, полузаконченных, и реже – законченных картин. К моему огромному сожалению, ничего интересного я не увидел. Во всяком случае, ничего достойного занять место в моей коллекции.

Я вежливо похвалил работы, досадуя, что потерял столько времени, и собрался уходить. Когда уже вышел в прихожую, хозяйка остановила меня, словно, наконец, решившись, и пригласила в маленькую комнатку, больше похожую на просторный чулан. Там находились три небольших полотна – завершённых, отточенных, словно написанных художником в свои лучшие годы.

– Это триптих «Жизнь». Сначала он хотел назвать его «Времена года», но потом передумал. Павлик написал его через пять лет после нашей свадьбы...

Мы с ним были очень счастливы тогда, – подтвердила она моё предположение.

– Он никогда не выставлял эти картины, это был наш секрет, их видели только несколько близких друзей.

На первом полотне художник изобразил девочку лет семи-восьми в лёгком платьице, с растрёпанной причёской, весело хохочущую. Она бежала среди цветущих деревьев, в вихре белых лепестков, облитая утренним солнцем. Её руки, вскинутые над головой, были обсыпаны этими лепестками, словно волшебным, не тающим, ласковым и тёплым снегом.

На втором полотне сад очень походил на тот, из первой картины, только деревья сменили ослепительно-белый наряд на изумрудно-зелёный. Лепестки ушли, но плоды ещё только завязались – это было начало лета, его буйная молодость, прекрасная, безудержная, сильная. Над садом аквамаариновой чашей опрокинулось невозможно глубокое небо с тянущимися через него полосами облаков. А по тропинке между деревьями то ли шла, то ли летела девушка – юная, воздушная, невыразимо прекрасная.

Её улыбка уже не была такой беззаботной, как у девочки на первой картине, одной рукой, поднятой над головой, она словно тянулась в небо, но другая, сжимавшая букетик полевых цветов, уже обращалась вниз, к земле.

Перед третьим полотном я остановился надолго. Если девочка с первого холста символизировала весну, девушка олицетворяла самое начало лета, то теперь наступало время осени? Но нет, листья на деревьях стали просто более насыщенными, яркими, и на их фоне ослепительно алели сочные вишнёвые капли.

Это ведь разгар лета, зрелая красота природы, дарящей людям свои плоды. И под стать ей – женщина. Ей где-то тридцать-тридцать пять, её красота не девическая, слегка ещё угловатая, а мягкая, округлая, зрелая. На картине она была одна, но чувствовалась – в линиях фигуры, налитой груди, мягких, но сильных руках – красота матери, хранительницы очага, любимой и любящей жены.

40

При всём очаровании предыдущих полотен, детства и юности их героинь, женщина с третьего холста олицетворяла не просто жизнь, а всю её полноту, продолжение рода – то, ради чего живут люди на этой земле...

Вера Аполлинарьевна наблюдала за мной с едва заметной улыбкой на губах, но улыбка эта относилась не ко мне, а к воспоминаниям о счастливом времени, которое прошло и уже никогда не вернётся.

– Простите, ради Бога, – я откашлялся, – вы продаёте эти картины?

– Как вам сказать, – задумчиво ответила женщина, – раньше я не думала об этом, не хотела расставаться с ними, но пришло, наверное, время. Мне осталось недолго, и я не хочу, чтобы после моей смерти они попали к чужим, холодным людям. После того как умер Боренька, у нас больше не было детей, а друзья все ушли вслед за Павликом. Пусть лучше его картины живут у вас... Она назвала какую-то смехотворную сумму, а я спросил, когда их можно будет забрать. Она пожалала плечами:

– Забирайте хоть сейчас. Я помню их сердцем, мне не нужно видеть оригиналы.

Я попросил её подождать буквально полчаса, чтобы найти ближайший банкомат и снять деньги. Она согласилась: «Да, я как раз успею с ними попрощаться!»

Вскоре я уже упаковал прекрасные полотна, хотел вручить Вере Аполлинарьевне гораздо больше денег, чтобы хоть как-то приблизиться к

реальной стоимости картин. Но она покачала головой, и отодвинула от себя лишние банкноты:

– Не надо, Костя, мне столько не понадобится.

– Но я не могу, ведь они стоят дороже, гораздо дороже, а деньги эти у меня далеко не последние.

– Нет-нет, не стоит...

– А давайте так сделаем, – осенила меня мысль, – я оставлю вам свой телефон, и если вы передумаете, или просто понадобятся деньги, вы мне позвоните!

На этом мы и расстались. Последующие дни я любовался своим приобретением, вспоминал удивительную встречу, но постепенно мною стали овладевать иные мысли. Было совершенно ясно, что художник изобразил на этих полотнах свою жену, только осталось непонятным, была она такой в жизни, или только в его воображении.

Но почему он хотел назвать свой триптих «Времена года»? Ведь мало того, что здесь собственно два сезона – весна и лето, его разные периоды. Даже сюжет с женщиной на третьем полотне показывал в лучшем случае июль. Почему отсутствуют осень и зима? Мне очень хотелось прийти к Вере Аполлинарьевне и спросить её об этом, но что-то меня останавливало: свой телефон она мне не оставила, а приезжать без звонка я считал неприличным.

Однажды мне посчастливилось купить совершенно незнакомое издание стихов того же Мещерского. В дешёвой бумажной обложке, потрёпанная книжица издания 1925-го года, тираж – 50 экземпляров.

Как следует я рассмотрел его только дома, благоговейно переворачивая ветхие страницы, улыбаясь знакомым строкам, изредка радуясь находкам – новым для меня, никогда не читанным стихам. И вдруг, в самом конце я увидел стихотворение «Жизнь». Перечитал его раз, другой, третий. Несомненно, Бестужев писал свой триптих под его влиянием! Таких совпадений просто не бывает!

Но сюжетов в стихотворении было четыре! Значит, должна быть четвёртая картина! А может, Павел не успел, или не захотел её писать? Я решительно поднялся, чтобы ехать к Вере Аполлинарьевне прямо сейчас, наплевав на приличия, но вдруг затренькал мобильник, высвечивая незнакомый номер.

– Костя? – мне показалось, что голос вдовы Павла Бестужева постарел на десяток лет. – Костя, простите меня ради Бога, но вы не могли бы приехать ко мне прямо сейчас? Если можете, то не спрашивайте ничего, а просто приезжайте.

Я тут же вызвал такси, прихватил все наличные деньги, имеющиеся в доме, и помчался по вечерним улицам к дому Веры Аполлинарьевны. Та действительно постарела за эти несколько дней, голос по телефону меня не обманул. Она остановила все мои попытки заговорить и тихо произнесла:

– Костя, я должна вам признаться в невольном обмане. На самом деле, Павлик написал тогда не триптих, а тетраптих. Да, есть четвёртая картина, наверное, это «Осень». Он написал её чуть позже, но я эту работу так и не увидела:

незаконченные полотна Павлик не разрешал смотреть, а потом сказал, что картина не получилась, и он её уничтожил.

Вчера я нашла её, он спрятал полотно в самый дальний уголок, словно не хотел выпускать на свет Божий. Я очень скоро умру, не успею войти в образ – она кивнула в сторону полотна, властным жестом остановила мои возражения, – и хочу, чтобы весь тетраптих был у вас. Хотите –ставляйте его, хотите – любуйтесь сами. Только одно условие – не продавайте.

Я лишь кивнул, понимая всю пустоту слов, не в силах отвести взгляд от четвёртого портрета. С серого, холодного холста на меня смотрела старуха с морщинистым, высохшим лицом, седыми волосами под платком. Она сидела в комнате, или, скорее, в горнице, возле стены, увешанной размытыми фотографиями и образами.

Жилистые натруженные руки сложены на коленях, взгляд спокойный, глубокий, величественный. И при этом всё вокруг засыпано сухими жёлтыми листьями. Они лежат на полу, на мебели, и даже на её руках – скрученные, ломкие, мёртвые.

А сама она, несмотря на морщины и какую-то неземную отрешённость, уже погружающаяся в мудрость Вечности, была той самой девчонкой, бегущей по саду, юной красавицей, летящей среди деревьев, зрелой мадонной, украсившей наш мир своим явлением.

И тогда я вдруг ясно понял, почему художник прятал эту картину от любимой. Он словно проник в будущее, написал портрет, который должен был со временем стать ликом той усталой старой женщины, что дарила мне сейчас это полотно. Художник-провидец, ушедший раньше той, которую так любил, но заглянувший на много лет вперёд и ограждающий её от этого ненужного знания...

– Юрий Мещерский. Стихотворение «Жизнь». После его прочтения ваш муж написал этот триптих, а потом и четвёртый портрет, который никогда не показывал, так? – я словно сорвал покровы с прошлого, вернул и себя и свою собеседницу на много лет назад.

– Вы правы, – Вера Аполлинарьевна совершенно не удивилась, – я не зря выбрала именно вас. Но откуда вы узнали? Это стихотворение напечатано только в одной маленькой книжечке, у нас был экземпляр, но он исчез куда-то, а больше я его нигде не встречала... И даже не могу вспомнить сейчас все строки...

Я вытащил из кармана захваченную по какому-то наитию книжку, раскрыл на нужной странице, и прочитал вслух это стихотворение:

На заре играешь с первым солнцем,
Чьи лучи исчёрканы ветвями
И цветов слетающих червонцы
Ловишь неумелыми руками.

В небе, до гудения бездонном,

Следуя пчелиною тропею
Облаков неспешные колонны
Поднимают властно за собою.

Но оставшись, скован притяженьем,
Ты растёшь, протягивая руки,
К листьям, что смели цветов кипенье –
Первым провозвестникам разлуки

А цветы растают лепестками,
Избавляясь от нарядов лишних,
Чтобы не остаться должниками
И взойти рубином первой вишни.

Там рукой уверенной и сильной,
С бархата зелёного наряда
Ты срывал сиявшие рубины
И растил простор иного сада.

Только ветви становились круче,
Уходя от устремленья лестниц.
Потемнело небо гроздью тучек –
Хмурых запустения предвестниц.

А в вершине сморщенной кистью
Горсть засохших ягод стынет в муке,
И летят истраченные листья
В слабые и немощные руки...

На глазах Веры Аполлинарьевны выступили слёзы. Я положил книжку на стол, взял картину и тихо вышел.

Через неделю мне позвонил незнакомый человек и попросил подойти к нему, чтобы получить пакет с книжкой стихов Юрия Мещерского, который оставила мне вдова художника Павла Бестужева, скончавшаяся несколько дней назад. Стихотворение «Жизнь» было обведено в ней красным карандашом...

Созвездие Дракона. Девятый конкурс сказок (мифов)

Рыжее солнце
Джон Маверик

Чем плохой сказочник отличается от хорошего? Не знаете? А я вам скажу. Прежде всего отсутствием фантазии. Вот, как я, например. Если и начну какую-нибудь историю – а начать для меня тоже задача не из легких – то непременно собьюсь и запутаюсь. Ляпну, извините, что попало, какую-нибудь несуразицу, а она, вдобавок еще и сбудется. Так что вместо сказки получится дурное предсказание.

Зачем же, спросите вы, я берусь за это неблагодарное дело? А потому, что дочка просит! Маленькая Джессика почему-то считает меня лучшим сказочником на Земле, и стоит нам с ней остаться вдвоем, тут же заводит свое неизменное: «Папа, расскажи!» А поскольку все книжные сказки мы уже прочитали и почти выучили наизусть, приходится что-то выдумывать. А получается... Вот, сами посудите, что получается.

Помню, прошлым летом, я сочинил историю про ежика, который не любил купаться. Но в темноте оступился и упал в полную воды яму. Дочка была в восторге и все повторяла, смеясь: «Бух!», «Плюх!», и фыркала, подражая злополучному рассказчику – мне. Уже на следующее утро мы с ней хоронили ежа, утонувшего в нашем садовом пруду, и Джессика плакала, а я судорожно врал что-то про невинную ежину душу, ставшую серебряной рыбкой. Ничего лучшего мне в тот момент в голову не пришло. Не прошло и месяца, и я рассказал про беличью семью, которая жила якобы у нас на чердаке и от скуки грызла провода. Ну, вы, конечно, поняли. Целую неделю мы сидели без света. И такие странные вещи случались постоянно. Вроде бы мелочи, но складывались они в пугающую картину.

– Почему так происходит? – пожаловался я, глупо улыбаясь, Анне, своей жене. Мне хотелось все представить как шутку, хотя на душе было тревожно. – Ведь это всего лишь слова. Сотрясение воздуха. И почему я все время придумываю что-то плохое? Не хочу этого делать, но делаю.

Она посмотрела на меня серьезно, и даже отставила в сторону кофейную чашку. Все волнующие нас вопросы мы с Анной, как правило, обсуждали за завтраком.

– Ты не придумываешь, Алекс. Ты видишь то, что на самом деле будет.

Я помотал головой.

– Ничего я не вижу.

– Видишь. Просто не хочешь себе признаться.

Есть ли в мире что-то более бессмысленное, чем спорить с собственной женой? Я пожал плечами, а про себя решил, уж если сочинять, то что-нибудь совсем невероятное, сказочное, то, что в жизни никак не может случиться. Всю осень и зиму, и большую часть весны мне это удавалось. А потом...

Стоял теплый и влажный месяц май. Солнечная погода сменялась короткими и сильными дождями, грунтовые дороги развезло, а мокрый асфальт не успевал до конца просохнуть и клубился беловатым паром. Буквально каждый квадратный сантиметр земли исторгал из себя растения, и каждая палка, лишь коснувшись мягкой, рассыпчатой почвы, пускала корни и окутывалась нежной весенней листвой.

Поздно вечером я вел дочку домой с дня рождения подружки. Вдоль безлюдной улицы горели фонари, и мелкие лужи у нас под ногами отражали их свет. Джессика баловалась, кружилась на ходу и выделявала всякие танцевальные па. А я радовался, что могу хотя бы немного помолчать, вдыхая запах цветущих деревьев и любясь тонким хрустальным серпиком в небе. Но покой мой длился недолго.

– Папа! Расскажи! Сказку! – спохватилась дочка и завертелась юлой, выдернув руку из моей ладони.

Я вздохнул.

– Ладно. О чем ты хочешь послушать? – спросил с тайной надеждой, что Джессика «закажет» что-нибудь из старого, придуманного раньше.

Бывает ведь такое, что ту или иную историю хочется услышать во второй, а то и в третий раз.

Ну или хотя бы подскажет мне идею. Но увы.

– О чем хочешь, папа! – восторженно закричала моя шалуныя. – О чем хочешь!

– Ну, хорошо, слушай... – усмехнулся я, лихорадочно соображая, с чего бы начать. Там уж как-нибудь само пойдет. Но первые фразы всегда давались мне с трудом. – Возле синего-синего озера, такого, что не видно берегов, жила... э... добрая бабушка... Она была...

Я запнулся. Да кем же ее назвать, эту старуху? После тяжелого рабочего дня я плохо соображал. Но приходилось как-то выкручиваться.

– Волшебницей, – подсказала дочка.

Она перестала крутиться и тихо шла рядом со мной, предвкушая сказку, сама похожая на очарованную маленькую принцессу.

– Точно, – обрадовался я. – Волшебницей. И были у нее две кошки – рыжая и белая. Рыжую звали Солнце, а белую – Луна.

– Вот эта? – нахмурилась Джессика, указав на небо, где прозрачный месяц парил в серебряной дымке.

– Ну да. Обе очень любили плавать в озере. Но бабушка-волшебница отпускала их купаться только по очереди. Потому что боялась, что они утонут, сразу две, и тогда у нее не останется ни одной кошки. А так – будет хотя бы одна.

– Ага, – сказала дочка.

– Ну и вот...

Я беспомощно пожал плечами.

– Дальше, папа! – потребовала Джессика, настойчиво глядя мне в лицо огромными сияющими глазами.

– Однажды кошка по имени Солнце, – бодро продолжал я, – отправилась гулять, пока ее сестра купалась. Они были сестрами, вообще-то. Вот, шла она шла по улице. Ночь, и, как сейчас, горели фонари, и дождь только что закончился. А она шла по лужам и... попала под машину.

Зачем я это сказал? От мгновенного испуга у меня чуть не остановилось сердце. Мне уже мерещился пронзительный визг тормозов и слепящий свет автомобильных фар в глаза. Но улица оставалась пустынной и тихой. Только серебряно капала откуда-то с карниза дождевая вода, и растворялись в ночном безмолвии наши шаги.

– Папа, смотри! – вдруг закричала дочка.

И только тут я заметил его – маленькое тельце, лежащее на обочине, в длинной тени от фонаря, все перемазанное грязью и кровью. Сперва мне показалось, что кошка мертвая. Но вот она слабо шевельнулась и даже как будто застонала.

– Солнышко умирает... – голос Джессики дрожал от ужаса.

– Погоди, – я решительно отстранил дочь. – Она жива. Надо побыстрее отнести ее к врачу!

Не буду описывать, как в ночной ветеринарной клинике наше Солнце сшивали буквально по кусочкам. Как мы с Анной попеременно дежурили возле ее бокса. Как часами сидели, держа на коленях несчастную кошку, пока в ее лапку вливались через капельницу лекарства и питательный раствор. Как осторожно кормили ее бульоном из шприца и радовались, точно дети, когда ей удавалось проглотить хоть немного супа. А когда рыжее Солнышко впервые встало на трясущиеся четыре лапы – у нас троих был настоящий праздник, у меня, у Анны и у Джессики.

Мы устроили ей лежанку в дочкиной спальне. Просто обернули детский матрасик простыней и затолкали в угол, между кроватью и шкафом. Получилось укромное местечко, как любят кошки. И Солнце стало поправляться, постепенно набираясь сил. Не прошло и месяца, и оно уже расхаживало по всему дому, по-хозяйски заглядывая во все углы и озаряя их веселым рыжим светом, обкусывало комнатные растения и даже пыталось запрыгнуть на подоконник.

– А ты заметил, – как-то спросила меня Анна, когда мы ночью лежали в постели и я, обняв подушку, уже приготовился отбыть в сказочную страну, – что солнце больше не восходит?

– В смысле?

– Ты понимаешь, о чем я.

– Не понимаю. Правда. Ты про кошку, что ли?

– И про кошку, наверное, тоже... – Приподнявшись на локте, Анна, не мигая, смотрела мне в глаза. – Я про солнце, Алекс. Оно не выходит на небо. Не купается в синем-синем озере.

– Это тебе Джессика рассказала, да? – я рассмеялся. – Но это же чушь! Глупая сказка!

– Конечно, чушь, – согласилась Анна. – Но солнце, действительно, пропало. Я устало прикрыл глаза. В форточку затекал холодный, сырой воздух, и, как мокрые тряпки на ветру, бились и стучали в стекло растрепанные ветви яблони. Я знал, о чем говорит жена. Лето выдалось дождливое и хмурое, и с самого мая, наверное, небо пряталось под толстым слоем черных, густых туч, из которых то и дело сеялась противная морось. Земля окончательно раскисла, заболотилась и покрылась высокой, чуть ли не по пояс, травой. Никто не стриг газоны. Может, из-за этой всепроникающей сырости все газонокосилки в мире заржавели. Но переросшая, грубая трава почему-то не колосилась, и красные розы на клумбе у нас под окном не расцветали, а только выпускали все новые и новые молодые побеги. Краски обесцветились. Из-за постоянно текущей с неба воды все выглядело серым. И этот унылый серо-зеленый пейзаж рождал в людях тоску. Из их душ исчезли, казалось, и смысл, и красота, остались только равнодушие, скука и раздражение друг против друга. Даже дети перестали играть на улицах, а сидели по домам, уткнувшись в экраны смартфонов. И никто больше не улыбался.

– Но днем не темно, – сказал я осторожно. – Значит, солнце где-то есть. Хоть его и не видно.

– Да, – согласилась жена. – Где-то есть. Только где?

– Неужели ты, правда, веришь в эти глупости? – изумился я.

Несколько долгих минут Анна молчала, изучая в темноте мое лицо.

– Нет, конечно, – ответила она, наконец. – Я слишком большая, чтобы верить в сказки. Просто... у меня какое-то странное чувство...

– У меня тоже.

– Не обращай внимания, Алекс, – вздохнула она и уронила голову на подушку.

– Спи.

Я хотел что-то еще сказать, но никак не мог сообразить что, а потом и в самом деле заснул.

Утром я продолжал обдумывать этот разговор. Был выходной день, и я смотрел в окно, как соседи слоняются по двору с постными лицами, и, переругиваясь, месят ногами жидкую грязь. Дождь перестал, но они не подметали, как обычно, дорожки и не стригли кусты, а, вообще, ничего не делали. Только злились друг на друга и на Джессику, которая пела, сидя на крыльце с большим красным яблоком в руках.

Интересно, думал я, так сейчас везде или только в нашем поселке? Наверное, везде. Ведь солнце – одно на всех. А не свое в каждой стране или городе. А впрочем, кто знает. Может быть, сколько людей – столько солнц?

Что ж, по крайней мере наше Солнышко было с нами. Каждое утро, каждый вечер, да и всю ночь оно дарило нам свой свет. Навевало золотые сны. Рыжая кошка принесла в наш дом счастье. Не то чтобы раньше мы с Анной плохо жили, ссорились или изменяли друг другу. Нет, ничего такого. Но, наверное, как в любой паре, женатой уже не первый год, волна пылкой влюбленности схлынула и обнажились подводные камни. Непонимание, разные вкусы и взгляды... Мелочи, но неприятные, от которых тянуло холодком. С появлением Солнышка все изменилось. Забота о питомице, страх за нее и, наконец, любовь – точно связали нас золотыми нитями, тонкими, но прочными. А Джессика... наша непоседа дочка, конечно, не превратилась в идеального ребенка, но и в ней расцвело нечто новое. Она словно повзрослела на несколько лет, стала рассудительной и серьезной. Как будто хвостатая подружка поделилась с ней своей мудростью. А в том, что Солнышко – мудрая кошка никто из нас не сомневался. Достаточно было посмотреть в ее сияющие глаза, глубокие, как вода в небесном озере.

Она знала все, каждый потаенный уголок наших сердец. Даже то, о чем мы стеснялись говорить друг другу. И то, что скрывали от самих себя. Во всяком случае, хотели скрыть. Должно быть, считая меня своим спасителем, она забиралась по вечерам ко мне на колени и ласкалась, бодая головой мою ладонь.

– Бедная девочка, – шептал я ей чуть слышно, – ведь я тебя чуть не погубил. Своей глупой сказкой... Ты можешь меня простить? Ты простила?

Солнышко перебирало лапками и громко мурлыкало.

Да, слова это просто слова. В них, казалось бы, не больше смысла, чем в летящих по ветру осенних листьях. Но разве не Словом сотворен этот мир? Как же я мог вести себя так беспечно? Быть сказочником – не просто. Но гораздо труднее быть добрым сказочником, чтобы твоя выдумка не разрушала, а творила пространство любви.

– Мы с тобой похожи, – шепотом говорил я Солнцу, пропуская между пальцами нежную золотую шерстку. – У тебя есть дар света, у меня – дар слова. Клянусь, что никогда больше не использую его во зло.

Гнилое лето перетекало в медленную, безрадостную и бесплодную осень. В садах не созрели ни груши, ни яблоки, а цены на продукты подскочили в магазинах до заоблачных высот. «Неурожай», – вздыхали унылые селяне. Да и с чего быть урожаю?

Рыжее Солнце, между тем, совсем поправилось и заскучало. Настал день, когда оно встало перед балконной дверью и требовательно мяукнуло, просясь на улицу. Не скажу откуда, но я знал, что оно не вернется, а отправится к

доброй бабушке-волшебнице, в домик на озерном берегу. Ведь именно там его место. Думаю, и Анна тоже знала.

Мы стояли, растерянные, когда сзади тихо подошла Джессика.

– Папа, отпусти ее, – попросила она. – Ты что, хочешь весь мир оставить без солнышка?

Не успела дочка договорить, как я понял, что она права. Нельзя держать солнце взаперти, только для себя одних. Оно должно светить всем.

Мы с Анной смущенно переглянулись, и я распахнул дверь.

– Иди, Солнышко. Удачи тебе.

Я видел, как она уходит дворами, скользя между мокрых грядок. Рыжая кошка под серым дождем. А вечером на горизонте впервые за много-много дней появилась ярко-розовая полоса.

– Смотри-ка, – приветливо кивнул мне сосед. – Красный закат. Завтра будет хороший день.

И действительно, на следующее утро распогодилось.

Конечно, она не вернулась, а исчезла, растворилась в теплой синеве, в паутине улиц, в бесконечности земных и небесных дорог. Но наш дом по-прежнему светился изнутри мягким золотым светом. Словно рыжее Солнце, уходя, оставило в нем свои лучики. Может быть, в благодарность за спасение. Или просто так – в подарок.

Хмурым ноябрьским вечером мы с Джессикой шли с детского праздника, мимо тусклых витрин и пестрых от опавшей листвы газонов. Под ногами хрустели затянутые тонким ледком лужи, серебряные в лунном свете, и ярко, морозно блестел асфальт.

– Папа, расскажи сказку, – пискнула дочка.

– Да, конечно, о чем? – рассеянно откликнулся я.

Мои мысли витали далеко.

– О кошке Луне.

– Кошка Луна... – начал я. – Да... Извини, милая, задумался. Так вот, однажды кошка Луна отправилась гулять по улицам и...

Я загнулся, охваченный тошнотворным чувством дежавю. Нет, больше я в эту ловушку не попадусь.

– ... и встретила большого серого кота. И... хм... от этой встречи, – сказал я осторожно и, запрокинув голову, скользнул взглядом по сияющему диску, – у нее родился маленький серебряный котенок...

– Папа! – вскрикнула Джессика, и в ее голосе звенел восторг. – Смотри!

Но я уже и сам видел, как пятнышко лунного света на мерзлом газоне вдруг зашевелилось, мяукнуло и, неловко потянувшись, заковыляло к нам на тонких лапках.

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Шестой конкурс рассказов о ЖИВОТНЫХ

Знакомство
Людмила Клёнова

*Из цикла «Собачьи радости»
Памяти моей Дарси...*

Я проснулась за пять минут до звонка будильника, что само по себе уже было странно. Но даже не это удивило, а ощущение того, что в мой сон проник некий посторонний звук, привнеся с собой какое-то беспокойство... Искося взглянув на будильник и отжав ненавистную кнопку – хоть сегодня не будет вопить! – я постаралась сосредоточиться (не без труда – несчастный организм ещё до конца не пробудился...) Прислушалась: привычно проносились мимо окна по мокрому асфальту болиды торопливых машин; привычно приветствовала новый день любимая мною птичка, которую я знала уже в лицо и по голосу – каждое утро, сидя на ветке апельсинового дерева, очаровательная темно-зелёная, с длинным клювиком и чёрными бусинками озорных глаз актриса разговорного жанра чисто, внятно и нежно говорила: «Киц... Киц-киц... Киц-киц-киц-киц...» Может, конечно, это она будила спящих вповалку под кустарником живой изгороди трёх-четырёх (а иногда и значительно большее количество) местных котов, уставших от ночных разборок... Привычно-лениво переругивались две дворовые вороны, обитающие на старых поседевших пальмах... Всё вроде в норме – и всё же слух мой снова уловил какой-то странный звук, похожий на тихий свист...

50

Я решительно встала (тем более, что мои резервные 5 минут уже истекли) и отправилась искать источник этого беспокоящего меня звука. Обошла гостиную, спальню сына, балкон, кухню, заглянула даже в холодильник... И снова – этот тихий свист – как показалось, от входной двери. Включив свет в прихожей, я распахнула дверь...

ОНО лежало на коврик перед дверью – маленькое, светло-жёлтое, пушистое, похожее на мягкого плюшевого медвежонка, существо... Лежало, свернувшись клубочком, и тихо, жалобно и безнадежно – нет, не поскуливало, а именно посвистывало – тонко и протяжно...

– Ёлки-палки, – почему-то вслух сказала я – и пошла будить мужа.

– Нужна грубая мужская сила и решительные действия, – сказала я ему, как только он сообразил, что я настойчиво отдираю его от тёплой и родной подушки.

– А что я не успею применить грубую мужскую силу через час? – резонно спросил он, отчаянно цепляясь за ускользающий сон.

– Не успеешь – потому что через полчаса мне убежать... а тут – проблемы...

Я подвела его, ещё не совсем пришедшего в сознание, к двери, показала ЭТО – и дала чёткие и ясные инструкции:

– Щенка срочно отнести на лужайку напротив дома, через дорогу – там куча частных домов весьма нехилого размера – может, кому-то и понадобится собака для охраны.

– Ты помнишь, – спросила я у мужа, глядя ему прямо в глаза, – ты помнишь, что мы с тобой дали клятву – НИКАКОЙ ЖИВНОСТИ БОЛЬШЕ В ДОМЕ? (любимец, ирландский сеттер, проживший в семье более 10 лет, умирал у нас на руках – и мы умирали вместе с ним... А через 2 года ещё раз умирали – рядом с красавцем-котом, благороднейшим колорпойнтом, голубоглазым нашим мальчиком, который ел из одной миски с сеттером и спал в его объятиях – и внезапно, за двое суток окончившим своё земное существование...)

– Конечно, помню, – ответил муж, чистым и честным взглядом глядя на меня, – никогда и никакой живности больше... Не волнуйся, к твоему возвращению всё будет в порядке...

И действительно – к моему возвращению ВСЁ БЫЛО В ПОЛНОМ ПОРЯДКЕ: Щенок, не только отмытый, но и отстиранный, не только высушенный, но и тщательно отутюженный, отчаянно благоухающий моим любимым шампунем, чинно и благородно возлежал на махровом полотенце в уголке возле кухни... Муж, сияющий и нежный, как только что родившая мама, сидел на корточках рядышком и кормил дитяню маленькими кусочками заботливо нарезанной диетической колбаски...

В ответ на мой возмущённый немой вопль он улыбнулся застенчиво и примиряюще сказал: «Ну, посмотри, какая прелестная девочка? Разве можно такое очаровательное существо отнести куда-то из дому?»

Я популярно и весьма эмоционально объяснила ему, что его всегдашняя любовь к прелестным девочкам мне уже стоИт поперёк горла, и что я знала, что когда-нибудь это всё кончится трагически... В ответ муж виновато пожал плечами: «У меня рука не поднимается... если хочешь, выброси её сама...»

Это был запрещённый приём!!! Просто удар ниже пояса... Я уже хотела объяснить ему – и тоже очень выразительно, в смысле – с крепкими выражениями – что настоящие мужчины так не поступают...

И тут увидела умоляющий взгляд этой юной нахалки – она точно понимала, что её дальнейшая судьба – в моих руках... Молча, не отводя взгляда, она смотрела на меня большими коричневыми очами, опущёнными длинными рыжими ресницами...

... Ветеринар, доктор Дина (естественно, наша давняя знакомая), ничуть не удивилась, увидев нас со щенком на руках: «О, а я как раз хотела вам звонить, – радостно сообщила она, – и предложить вам взять собачку или котика!»

У неё в кабинете, в приёмной, во дворе всегда жило, спало, лежало, бегало около десятка кошек, котов и котят, штук пять-шесть собак разного сорта и размера, и обязательно расхаживал важно какой-нибудь петух устрашающего вида или что-нибудь ещё более экзотическое... И всех этих хвостатых (которые как-то ухитрились совершенно мирно сосуществовать под её бдительным оком) она время от времени пристраивала в хорошие руки...

– А вы уже и сами, я вижу, собачку себе нашли, – продолжала доктор Дина... (Ну, должны же мы были знать, всё ли в порядке со щенком, здорова ли собака, какой примерно её возраст, на какую породу она похожа – и каковы перспективы...)

Деловито ощупав, осмотрев, взвесив и измерив щенка, Дина между делом всадила в рыжее существо пару шприцев с какими-то снадобьями – и сразу села выписывать паспорт и вносить данные в компьютер – у нас тут строго с этим...

– Замечательная девочка, – сказала Дина, ласково улыбаясь и нам, и щенку, – здоровая, красивая, возраст – месяца три, не больше. Все необходимые прививки я сделала. Подрастёт – будет тихая и интеллигентная собачка меньше среднего размера, очень похожая на лабрадора... Там и запишем в паспорте «к м о – л а б р а д о р» (вроде лабрадора).

52

– Что-то лапы у неё великоваты для будущей собачки среднего размера, – попыталась было я вступить в разговор.

– Да нет, это пока несоответствие щенячьих форм, – лихо парировала доктор – и вручила нам уже готовенький паспорт, где было написано: «Девочка, метис лабрадора» – и вместе с этим – квитанцию с суммой (за все доставленные удовольствия), от которой у меня слегка потемнело в глазах...

– Придёте через полгода на очередную прививочку, – на прощание сказала доктор Дина, нежно потрепав метиса лабрадора по маленькой умильной мордашке...

Вот так в нашем доме появилась очередная собака по кличке Дарси.

Потом мы учились самостоятельно есть, пить, гулять, сидеть, лежать, танцевать вальс на задних лапах за шоколадку... Взбираться на диван ... Спрыгивать с него при срочной необходимости... Спать на подстилке, а не на кровати, причём обязательно между хозяевами...

Любого входящего в квартиру не сносить с ног в стремлении обцеловать его с пяток до макушки...

Как-то незаметно пролетело полгода – и мы снова пошли к доктору на очередную прививочку...

... Когда в кабинет Дины ворвался рыжий торнадо размером с приличного жеребёнка, без особых усилий внеся за собой на поводке и стокилограммового хозяина, Дина аж присела: «Ой, Имэлэ...» (Ой, мамочка!)

Я же спросила у неё тихо: «Ну, доктор, и где ваша собачка меньше среднего размера, тихая и интеллигентная?» Дина засмеялась: «Ну, ошиблась... с кем не бывает...»

И, пока доктор проделывала с Дарси все необходимые процедуры, я постаралась наиболее близко к тексту перевести ей с русского на иврит рассказ о мужике, который ходил по блошиному рынку с медведем на цепи и всё спрашивал у продавцов, не видели ли они того дедулю, который продал ему... хомячка. А когда кто-то сказал: «Да зачем он тебе теперь?», мужик грустно ответил: «Я просто хочу посмотреть ему в глаза»...

Земля – Созвездие Жирафа. Шестой конкурс рассказов о детях и для детей

Мотыльковый царь

Джон Маверик

Я шел через осенний лесопарк, сокращая путь от магазина, и присел на лавочку. Не то чтобы устал. Но небо было таким пронзительно-синим, и так ярко сверкали на его фоне, чуть покачиваясь, золотые вершины берез, и текли вдаль, как подхваченный ветром тополиный пух, прозрачные облака... Что голова у меня закружилась, и на душе сделалось странно-легко. Хотелось замереть и не двигаться, и уплыть вместе с этим небом куда-нибудь за край мечты.

В общем, я опустил на лавку и, запрокинув голову, прикрыл веки. В зрачки мне тут же вонзились янтарные стрелы – преломленные на ресницах солнечные лучи.

– Можно? – раздался, как мне показалось, почти над ухом глуховатый мужской голос.

Не оборачиваясь, я кивнул. Скамейка длинная – пусть садится кто хочет. Потом все-таки открыл глаза и скосил взгляд. Рядом со мной примостились крепкий мужчина лет шестидесяти, в круглых очках и маленький мальчик, похоже, дошкольник. Наверное, дед и внук. А может, отец с сыном. Возле их ног – а малыш ногами до земли не доставал и болтал ими в воздухе – улегся на пышную осеннюю подстилку огромный белый пес. Страшноватый на вид, он, тем не менее, вел себя смирно, даже кротко, а своей лохматостью и цветом напомнил мне известного ручного медведя из берлинского зоопарка. Как я понял из разговора своих соседей по лавочке, его так и звали – Кнут.

– Деда! Деда! – канючил мальчик. – Кнут съел муху!

– Муху? Ну и что? Скажи ему: «приятного аппетита».

– Но ты меня ругал, за то, что я вчера ее прихлопнул! Ты сказал, муха тоже хочет жить! Сказал, что в другой раз меня накажешь!

– Ну, правильно, – мужчина снял очки и принялся полировать стекла фетровым платочком. – Все живое хочет жить, и муха в том числе. Чем она хуже нас с тобой или Кнута? Или вон того дяди, – он с улыбкой чуть заметно кивнул на меня, а я притворился, что ничего не слышал. – Конечно, нельзя ее убивать. Нет ни у тебя, ни у меня такого права.

– Но Кнуту можно? – недоверчиво спросил внук.

Дедушка, однако, не смутился.

– Кнуту можно. Он собака. Животные едят друг друга, так они созданы. А нам нельзя. Некоторые люди тоже едят мясо, но они неправы.

При этих его словах я тихонько вздохнул и отвел глаза. Но дед этого, конечно, не заметил. Он больше не смотрел в мою сторону, а гладил пса, погружая ладонь в его рыхлую, как снег, шерсть.

– Почему? – удивился мальчик.

– Потому что человека Бог поставил над всеми животными главным правителем. А правитель должен быть добрым и справедливым. Иначе он никуда не годится.

– И я тоже главный? – продолжал выспрашивать внук. – А главного разве можно наказывать?

– Можно и нужно, – уверенно ответил дед. – Если он делает своим подданным больно. Погоди, Мориц... Сейчас я расскажу тебе один случай из своего детства. Про то, как я попал в слуги к мотыльковому царю. Лет мне тогда было... Наверное, чуть побольше, чем тебе. Точно не помню.

Он задумался и, снова водрузив на нос очки, рассеянно вглядывался в глубину парка, в образованный красно-оранжевыми кустами огненный тоннель. Как будто смотрел сквозь толщу времени.

– Расскажи! – потребовал внук.

Поерзав на скамейке, он уселся поудобнее и сложил руки на коленках, всем своим видом показывая, что приготовился слушать. Мальчик, очевидно, предвкушал занятную историю. И я, если честно, тоже.

– Однажды, когда я был еще маленьким, – начал мужчина, – я случайно раздавил бабочку. Открыл окно, чтобы проветрить – вот в такой же теплый осенний день. А она села на стекло с внутренней стороны. Я думал, листочек прилип, попытался его соскоблить. А это оказался оранжевый мотылек. Ты же знаешь, какие они хрупкие.

Дед виновато опустил голову.

– Дальше! – поторопил малыш.

– Ну, вот. Жалко, конечно, было. Но я не сильно расстроился. Подумаешь – бабочка. Но все оказалось не так-то просто, – он сделал эффектную паузу и хитро прищурился. – Ночью мне явился мотыльковый царь. Огромный, страшный, весь покрытый густой серой шерстью, и на крыльях – черные глаза с коричневым ободком. Немного похожий на ночной павлиний глаз, только большой.

– Павлиний глаз? – с любопытством переспросил мальчик. – Это такая красивая красная бабочка?

– Да, почти такая же, только темная, ночная. А что до красоты... Все твари божьи – красивы. Только мне не до того было. Я очень испугался. Он посмотрел на меня строго и сказал: ты погубил мою любимую огненную бабочку. И за это будешь наказан – пойдешь ко мне в услужение ровно на десять лет. А потом распрямил длинный-длинный хоботок. Я думал, что огромный мотылек меня ужалит, но он дотянулся хоботком до цветущей герани на окне и стал пить из нее нектар.

– И ты согласился, дедушка?

– Конечно. Это же царь. А я был маленьким мальчиком. И с того дня, вернее, с той ночи, он стал мне приказывать.

– Как приказывать?

Малыш уже не сидел спокойно, а снова ерзал на лавке, и даже флегматичный пес Кнут, чувствуя его нетерпение, поднял голову и шевельнул хвостом.

– Давай отпустим Кнута, пусть побегает, – предложил дед и отстегнул собачий ошейник от поводка. – Ну как приказывал? Не словами, конечно. Днем я его не видел и не слышал. Голоса слышат больные люди. А у меня вдруг появлялось желание что-то сделать. Но я знал, что оно не мое, а мотылькового царя. Потому что раньше ничего такого не желал и не делал. По утрам я вставал с первым лучом зари и поливал цветы в цветничке у нашего дома. Выпалывал сорняки и подметал дорожку. А еще я расставил повсюду блюдечки-кормушки и каждый раз до краев наполнял их малиновым сиропом. Так, чтобы хватило и дневным бабочкам, и ночным. Они слетались ко мне отовсюду. Садились на голову, на руки и на плечи. Пили сироп из блюдечек, а некоторые даже норовили залезть в банку. Так я их кормил и убирал их царство. А когда немного вырос, делал то же самое в парке и на школьном дворе. Взрослые думали, что я очень люблю природу, и хвалили меня. Они ведь не знали про мотылькового царя.

Мужчина усмехнулся и покачал головой. Вокруг нас радостно носился Кнут, взметая в воздух разноцветные листья, а потом умчался куда-то вдаль по аллее.

– Иногда он мне снился, – продолжал свой рассказ дед. – Все такой же грозный, серый и большой, и ругал за то, что я оставил в клумбе какой-нибудь сорняк или случайно сломал цветок. Я просыпался в холодном поту, и надутая ветром занавеска со страху казалась мне его крыльями. А в резких порывах ветра чудился его голос... Но понемногу я привык, ведь десять лет – это очень долго. Утренние прогулки стали меня все больше радовать. Представь себе, солнце – свежее, будто умытое. И воздух – как родниковая вода. Пьешь ее – и внутри хорошо. А цветы – такие яркие, как будто радуга упала на землю. Убираешься, поливаешь, наполняешь сиропом кормушки... И прилетают цветы небесные. Так что красоты становится вдвое больше. Я любил и цветы, и бабочек... Всех, кроме мотылькового царя. Потому что он не только заставлял меня работать на благо своего крылатого народца. Он никак не мог забыть смерть своей любимой огненной бабочки и постоянно издевался надо мной.

Тут уже мне захотелось спросить: «Как?» Издевательства мотылька над человеком я представлял себе слабо – уж очень не равны силы. Не назвать же таковыми кошмарные сны – эти игры возбужденного подсознания. Но ведь рассказывали не мне. А мальчишка слушал, как зачарованный, и даже не стряхнул прилетевший к нему на брюки мокрый дубовый лист.

– Хочешь знать, что он делал? – улыбнулся мужчина, словно отвечая на мои невысказанные мысли. – Принуждал меня выкидывать всякие фортели. Так что все надо мной смеялись, а мне делалось стыдно. Особенно он разошелся, когда я учился в школе. Писал моей рукой на доске всякие идиотские шутки. Подначивал отвечать невпопад, так что весь класс хохотал, а мне ставили

плохие оценки. Однажды на уроке он заставил меня три раза отпрашиваться в туалет, хотя мне было не нужно. Из-за него я совершал одну нелепость за другой. И самому приходилось смеяться, чтобы не выглядеть совсем уж глупо. Так что меня считали не только любителем бабочек и цветов, но и школьным клоуном. Ничего себе репутация, да?

– Даааа... – протянул мальчик, восторженно глядя на деда.

Едва ли он знал слово «репутация», но клоунов в свои пять или шесть лет видел наверняка.

– А мне в старших классах очень нравилась одна девочка. Так нравилась, что при одном взгляде на нее я забывал, как дышать. И вспоминал только, когда уже синел и начинал задыхаться. В общем, Мориц, я влюбился... Когда-нибудь и ты поймешь, что это такое, малыш. Но как объясниться с ней, когда мотыльковый царь в самый неподходящий момент мог толкнуть меня под руку или потянуть за язык? Вот ведь задача...

Он тонко улыбнулся – не внуку, а словно вглубь себя – и пожал плечами.

– Это была моя бабушка! – радостно воскликнул Мориц.

– Да, твоя бабушка. Вернее, твоя будущая бабушка. Потому что ты тогда еще не родился на свет. Я все-таки написал ей письмо. Очень красивое и даже немножко в стихах. Ну, и мотыльковый царь не удержался – пририсовал в самом низу смешную рожу. А потом скатал листок в бумажный мячик и швырнул к твоей будущей бабушке на парту через весь класс. Хорошо, что не промахнулся – а то надо мной смеялась бы вся школа... Из-за этой рожицы твоя бабушка до конца урока хихикала, никак не могла остановиться. Только посмотрит в мою сторону, как сразу глаза наливаются смехом. А я краснел и чуть не плакал. Ведь я ей признавался в любви, а это серьезно. Первая любовь, она, малыш, как бабочка... яркая и хрупкая. Чуть сильнее прижми – и нет ее. Но пока летает, она прекрасна. После урока твоя бабушка схватила школьную сумку и убежала – так быстро, что я не успел с ней поговорить. Вот так, малыш. В жизни бывает.

Мужчина замолчал, и я мог бы поклясться, что его глаза увлажнились. Вернулся Кнут и, как ни в чем не бывало, лег у ног хозяев. А мальчик все теребил и теребил деда за рукав.

– Что, Мориц? А... да. Прости, задумался. Так вот, влюбленным обычно не спится. И мне не спалось. Я проворочался всю ночь и встал до рассвета – в сумеречный час, когда краски еще не проявились. В саду все казалось неподвижно и серо, будто присыпано пеплом. Я наливал малиновый сироп в кормушки и шел по дорожке вперед, обходя клумбы. Хотелось побыстрее разделаться с утренней работой и пойти в школу. Может быть, удалось бы подкараулить твою бабушку у входа в раздевалку. Сироп кончился, я вытряс его до последней капли. И все равно на последнюю кормушку не хватило – не рассчитал. Со вздохом я повернул назад – и тут увидел его. Он сидел на краю блюдечка и спокойно завтракал. Очень крупный ночной павлиний глаз, черно-коричневый, с круглыми, яркими кругами на полураскрытых крыльях.

Изловчившись, я накрыл его пустой банкой и несколько минут разглядывал. Да, я сразу его узнал. Это был он – приснившийся мне гигантский мотылек. Грозный мотыльковый царь. Только теперь он совсем не казался страшным.

– Дедушка, ты убил его? – взволнованно спросил мальчик.

– Что ты! Это же просто бабочка! Большая серая бабочка с ломкими крылышками и мягким брюшком. Как можно ее убить? Рассмотрев его как следует, я убрал банку. И он улетел. С того дня мотыльковый царь потерял надо мной власть... Но все-таки он сослужил мне добрую службу. Твоя будущая бабушка посчитала меня веселым парнем – и согласилась дружить.

– А потом родился я?

– Нет, – покачал головой мужчина, – сначала родился твой папа. Но не сразу, а через несколько лет. Когда мы с твоей бабушкой закончили школу и поженились.

– А почему?

Дед засмеялся.

– Пошли домой, почемучка. У бабушки обед стынет.

Когда они проходили мимо, я отвернулся, пряча улыбку. Но мужчина увидел – и улыбнулся в ответ.

Я еще посидел немного на скамейке, закрыв глаза и представляя себя то ребенком, то собакой, бегущей по разноцветному парку. В тишине падали желуди, а робкое осеннее солнце грело мне щеку. А когда спохватился, день уже клонился к вечеру, и надо было не просто идти – а бежать домой.

Темный, словно из мореного дерева выточенный силуэт маячил в окне – и я ускорил шаг. А как только открыл дверь ключом, навстречу мне из глубины квартиры сверкнули два зеленых глаза и вышло чудовище – угольно-черное, лохматое, с толстым, словно канат, хвостом. Оно боднуло меня головой в колено и глухо заворчало. На его угрюмой морде читалось все презрение мира. Я заторопился.

– Сейчас, сейчас, я тебя накормлю, – бормотал, судорожно вытаскивая из сумки баночки с едой, вскрывая их консервным ножом и выкладывая на блюде аппетитные кусочки мяса. – Извини, задержался... Не сердись, милый. Это был Лео, кошачий царь, и я находился у него в услужении.

Неверующий
GP

Воображение – это самое главное, оно является отражением того, что мы притягиваем в свою жизнь.
(Альберт Эйнштейн)

Селим зажмурил глаза и внезапно быстро раскрыл их.

– Ты увидел? – Иоахим жадно посмотрел на спутника. – Мудрые люди говорят, что холостяки могут так увидеть спрятанные клады...

– Нет, друг, я ничего не увидел, кроме цветных кругов перед глазами. Пойдём по домам, мы тратим время впустую – в этих развалинах сокровищ нет.

– А может, ты не холостяк? Или ты увидел сокровища, но не хочешь со мной поделиться? – Иоахим достал нож. – В любом случае, ты узнал много, а я взамен получил меньше, чем ничего. У меня не появились драгоценности, и ты знаешь теперь тайное место. Попробуй ещё разок и не пытайся меня обмануть, или я выколю тебе глаза.

Селим крепко зажмурился.

– Ну же, открой глаза так внезапно, чтобы прежде чем видения окружающего мира войдут в твой разум, ты увидел сокровище. Не медли, не заставляй меня причинить тебе вред. – Руки Иоахима затряслись от возбуждения, и он едва не выронил нож. – Я хочу отдать тебе десятую долю найденного, Селим, так зачем ты мучаешь меня? Люди, продавшие мне свои знания, не ошибались, открой же свои глаза!

Селим резко распахнул глаза и уставился на Иоахима.

– Ты купил эти знания? Так ты богат? Мудрые люди умеют считать деньги и задёшево не отдают секреты. Но так ли велико сокровище, десятую часть которого ты мне предлагаешь – стоит ли мне стараться ради этого?

– Закрой глаза, ещё крепче закрой, чем делал до этого, и вообрази дворец нашего падишаха. Вообразил? Ты сможешь построить свой дворец не хуже. Открывай глаза! Ты что-нибудь видишь?

– Вижу! Надо копать у края разрушенной стены, там, где лежит густая тень.

Мужчины подошли к ишаку, привязанному к засохшему дереву, и отвязали с поклажи пару лопат. Селим потрепал животное по холке и вдруг снова зажмурился... Потом резко раскрыл глаза, постоял несколько секунд и неторопливо пошёл к обрушенной стене. Он копал молча, а Иоахим всё мечтал вслух, на что потратит сокровища. Яма была достаточно глубокой, когда Селим заговорил.

– Осталось немного, и мы – богачи. Хороший у тебя ишак, друг Иоахим. Но сможет ли он увести большой груз?

- Да, да, да... – затараторил не прекращающий копать мужчина. – Он может нести очень много!
- Не заупрямится ли твой ишак в пути, своим криком привлекая грабителей?
- Селим вылез из ямы и стоял, опёршись на заступ.
- Это самый послушный ишак... О, Аллах, лопата упёрлась во что-то! Спускайся, Селим, помоги мне расширить яму...
- Такой вполне достаточно, – возразил Селим и ударил своей лопатой по голове спутника. Потом начал не спеша засыпать яму с лежащим в ней Иоахимом. – Вообрази дворец... Вообрази десятую часть сокровищ... Дурак, ничего тут нет и никогда не было. Но мне достался ишак просто за то, что я зажмурил глаза несколько раз и слегка поработал лопатой...
- Ах, если бы Селим видел, как упавший Иоахим в предсмертных судорогах смахнул песок с дубовых досок закопанного сундука...

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Пятый конкурс рассказов

На праздничной стороне города

Джон Маверик

Главная улица, широкая, как проспект, делила город пополам. И прямо по ее середине, вдоль всей пешеходной зоны, проходила как бы стеклянная стена. Как бы – потому что никто не знал на самом деле из чего она сделана и стена ли это вообще или граница между мирами. Нерукотворная прозрачная грань между двумя измерениями, сквозь которую не пробиться ни с кувалдой, ни с топором. И в одной части города жизнь текла уныло и буднично, с работы домой, спать и опять с утра на работу. Никто не пел под гитару, не плясал на серых камнях мостовой, не рисовал картин и не ел мороженое в открытом кафе у торгового центра. Никто никому не дарил цветы, не покупал и не продавал маленькие яркие безделушки, не щеголял в нарядных одеждах, в светлых брюках и белых платьях, не вплетал в волосы разноцветных лент и не украшал шляпы перьями, а шеи – драгоценными цепочками, кулонами, ожерельями из самоцветов. Никто не дурачился и не смеялся. Все одевались неброско и практично, в черное или темно-серое. Ходили быстро, опустив глаза в землю. И не любили заглядывать за стеклянную стену, в ту половину города, где все это было, а еще – ручейки и реки золотых огней, огромные зеркальные витрины, похожие на аквариумы с диковинными рыбами, фейерверки и лазерные шоу.

61

Они считали жителей другой стороны бездельниками. Хотя те, очевидно, трудились ничуть не меньше. Иначе откуда на их половине такие красивые здания, и магазины полны удивительных вещей, а люди все, как на подбор, сытые и счастливые. И мостовая сверкает, отмытая солнцем или лунным светом, золотой водой или серебряной – и каждый булыжник словно ограненный алмаз. И все это сияние, цветы, музыка... не слышимая, правда, их соседями по городу, потому что стена не пропускает звук, но разве не видно, как она хрустальными волнами разливается в воздухе?

Не видно... Потому что редкие прохожие закутались в платки и шали, спрятали лица в капюшоны, так что только озябший кончик носа торчит наружу. Они отворачивались от яркости и блеска, словно от холодного ветра, и таращились на серые стены и в темноту переулков, и на гладкий, замороженный асфальт в паутинках инея. Шел медленный снег, а небо над городом твердело, застывая гудронной беззвездной массой. Мерзлый асфальт под ногами и такой же мерзлый асфальт над головой. Одинаковые кирпичные дома слева – а направо никто и не смотрел.

И только двое юных – почти дети – жадно приникли к прозрачной стене. Они возвращались с вечерней смены. После школы и тяжелых экзаменов практика на заводе казалась не такой уж утомительной. Только скучной и какой-то

бессмысленной. И дома было скучно. Но эта ночь, полная летящих снежинок... Улица, разделенная стеклянным – или не стеклянным – барьером. И то, что за ним... Вот это волшебство! Невероятное! Чудесное!

– Ух ты, какая елка! – восхищенно прошептал Вик. – Высоченная!

– А пахнет, наверное, как... – выдохнула Ника. – Вот бы попасть туда!

Она помнила этот аромат, густое хвойное благоухание, еловый букет в вазе на окне – картинка из далекого детства. «Так пахнет в лесу», – сказал ей тогда отец. Сама Ника в лесу ни разу не была. За жилыми кварталами начиналась бескрайняя промышленная зона, а за ней – свалка и пустыри, кладбище ржавых машин, экскаваторов и подъемных кранов, дальше – заросшее сорной травой поле и озера с грязной водой. Но так далеко никто из школьников обычно не забредал. Правда, кое-где во дворах росли чахлые городские деревья. Но такой живой, настоящей царицы елок Ника не видела никогда.

– Разве туда попадешь? – нахмурился Вик. – Для меня оно, знаешь, как? Ну, вроде кино. О каких-то других людях, – вздохнул он, не отводя завистливого взгляда от сияющего огнями чуда.

А елка, разодетая, как богатая невеста, в серебро и бисер, в переливчатые светодиоды и драгоценные хрустальные шары, устремлялась в небеса, почти достигая вершиной дымных туч и заливая их то зеленым, то голубым, то желтым, то оранжевым светом. А вместе с ней мигали разноцветным пламенем витрины. И веселые блики скользили по пушистой от инея брусчатке, по смеющимся лицам и танцующим фигурам, по круглым шапочкам детей и пестрым коробкам с подарками, перевязанным блестящими лентами.

– Мама говорит, – качнула головой Ника, – что жизнь – это труд, а не праздник. А всякая мишура, гирлянды и огоньки – это все глупости. Но они так красивы! От них светло на душе.

Вик переминался с ноги на ногу, пряча руки за спину.

– А еще мама говорит, что новый год – обычный день, и нечего делать из него не пойми что. Земля и без наших ужимок обернется вокруг Солнца. Для нее, такой большой, мы как муравьи. Копошимся в своих муравейниках и почему-то считаем себя очень важными. А ей, Земле, вообще, все равно, что мы делаем.

– Ну... – Вик несмело улыбнулся. – Ну, и что! Все равно... вот тебе подарок! С новым годом!

С той же робкой улыбкой он протянул Нике то, что держал за спиной – нечто бесформенное и большое, но легкое, окутанное старой газетой. И, с пылающими от холода щеками, неловко обнял девушку одной рукой, но поцеловать, конечно, не решился.

– Подарок? – смутилась она.

Нике еще никто никогда не дарил подарков. На их стороне города это было не принято. То ли дело – люди за барьером. Она своими глазами видела, как встречались на залитой ярким золотом улице влюбленные парочки,

обнимались и целовались прямо у всех на виду, и парни протягивали девушкам букеты.

Стянув зубами варежку, она надорвала газету и аккуратно развернула – нет, не цветы, да и откуда в декабре взяться цветам – а еловую ветку. Разлапистую, зеленую, пушистую... Отломанную неровно. «И где он такую раздобыл?» – промелькнуло в голове. И тут же на несколько мгновений включился строгий мамин голос: «Если каждый будет ломать с деревьев ветки...» Но Ника прогнала его счастливой улыбкой. Какая разница? Вик – не каждый. А главное, это был ее подарок! Ветка на морозе не пахла. Но зимнее небо запорошило ее серебром и украсило тонкими нитями лунного света.

Ника стояла, держа в руках еловую ветку – маленькую наряженную елку, а внутри, где-то с самого доньшка души, поднималась радость. Она была как свет, разлившийся половодьем. Была как музыка. Звонкий, точно хрустальный, новогодний мотив, ксилофон, пианино и серебряные колокольчики. Как поющие, болтающие, поздравляющие друг друга голоса вокруг. Как огромные зеркала, полные волшебных отражений. Как топот сотен ног по сверкающей брусчатке. Как большой, веселый хоровод. Как рука Вика, смелая и надежная... Двое юных и сами не заметили, как очутились на праздничной стороне города.

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары – 4»

Ошибка

Виктория Соловьёва

Было мне 23 года. Тётя заболела сильно. То ли язва, то ли рак желудка случился, толком никто сказать не мог. Разные врачи смотрели, крутили снимки. И так и сяк присматривались, а итог – ничего ясного. Тётя чахла на глазах. Совсем плохо стало, когда случилось прободение желудка. Это случилось в больнице после очередного исследования. Я, как правильная племянница, навещала свою тётю. Да что там говорить, я любила свою тётю. Она нас баловала в детстве, и отношения у нас сложились самые доверительные. Поэтому, когда тётя заболела, я стала её навещать почти каждый день. После работы садилась на служебный транспорт и ехала совсем в другой район города, чтобы поддержать её за руку. Домой возвращалась затемно.

Однажды она мне по секрету сказала, что умирает не от рака, а от голода. Вся тумбочка и подоконник при этом были завалены продуктами. Были там пироги и запеканки, бульоны и кисели, какие-то булочки, батоны и любимый ею кефир. Заказали даже печень трески из Владивостока, которую привезли специально для неё с оказией. Тётя ела мало, прободение давало о себе знать. Дядя каждый день носил домой стирку – тюк грязных пелёнок и перевязок. По выходным я приезжала к дяде домой и варила огромную кастрюлю борща или другого супа, чтобы дядя мог что-то кушать. Сама съедала тарелку, потому что дома у меня тоже ничего не делалось из-за полной занятости. Через неделю после постановки диагноза тётю выписали домой.

В выходные светило солнце так ярко, что казалось, что весна уже точно пришла и никуда не уйдёт: ни с этого подоконника, ни с улицы, ни из этого города. Тепло растекалось повсюду, и даже внутри стало как-то теплее. Настроение располагало к прогулкам. Мы с подружками договорились встретиться во второй половине дня. А пока мне надо было срочно доехать до тёти и вымыть окна в её квартире. Она позвонила и попросила об этом с самого утра.

На улице было довольно оживлённо. Перекликались не только птицы, но и люди, давно не встречавшие друг друга. Мир вокруг ожил! Город, казалось, стал переливаться красками: жёлтые, зелёный, ярко-красные тона. Горожане не скупились на яркие наряды. Вдруг захотелось снять шапку, так надоевшую за зиму. Я стянула её и убрала в пакет. Рыжая шевелюра вспыхнула на солнце так ярко, что прохожие стали невольно улыбаться мне.

Тётя встретила меня в хорошем настроении. Мы с ней шутили и подбадривали друг друга. Когда я закончила мыть окна, была середина дня. Сердце моё уже было на полпути к девчонкам. Я улыбнулась тётке и сказала, что все окна блестят, как новенькие! Тётя радовалась так, словно окна были самым главным в её жизни. И внезапно предложила: «Может, ты ещё и завивку мне сделаешь?». Видимо, весна стучится в каждое сердце. Первая мысль проскользнула змейкой: для чего ей причёска. Ведь дома сидит, слабость такая, что даже встать не может...Зачем? И я с лёгкостью ответила, что не умею завивать волосы на бигуди, что у меня ничего не получится, и поспешила уйти... Запомнилось и то, как тётя старалась не показать своего разочарования, и то, как я неумело спешила, и саму неловкость ситуации. Этот момент ужасной неловкости, словно осадок после дурного поступка, остался в моей памяти.

Больше тётя не просила сделать ей причёску. Ну и, слава Богу! – думала я. Кстати о Боге. Тётя никогда не верила в Бога. Они с дядей были коммунистами. А тут тётя поинтересовалась, есть ли у меня Библия. У меня была Библия новенькая, ни разу не открытая, которую мне подарили. Вот её я и принесла тете. Она стала настольной книгой для неё. Всё меняется. Коммунисты приходят к Богу так же, как и те, кто не состоял и не числился ни в каких партиях. Шёл 1989 год. Через два года Советское государство начнёт распадаться, как карточный домик. Бога вспомнят многие.

Теперь, когда мне уже далеко за пятьдесят, я думаю, что Бог дал мне возможность исправить свою ошибку. Он дал мне маму, за которой я ухаживаю и день и ночь. Я стригу ей ногти, делаю стрижки, причёски и подкрашиваю губы, когда приходят гости. И часто вспоминаю тётю, которую лишила радости, может быть, последней. Не поняла её чисто женской просьбы. Как не смогла тогда понять, что женщине всегда хочется оставаться женщиной. Особенно последней весной.

Выбор пути. Конкурс «Выбери свой день – 3»

Без голоса

Джон Маверик

Иногда, когда за моим окном кружит мотыльковая ночь и смотрит звездным холодным взглядом, я спрашиваю себя: что есть наше бытие? И сам отвечаю: дорога сквозь темноту, в один конец, без права вернуться. И не остановишься, не обернешься через плечо, не изменишь ничего в прошлом... Как бы этого иногда ни хотелось. Но никто не отправляется в путь с пустыми руками. Бог дает нам свои дары. И если мы их растратим, продадим или потеряем – вина только наша.

А может, дорога и не одна, а множество их – сплетенных, как паучья сеть, и каждый твой поступок – перепутье, каждый новый день – развилка. Куда шагнешь – там и окажешься. Но какую бы тропинку ты ни выбрал – пункт назначения всегда один. И нет, это не могила – туда идти не стоило бы. А что? Не знаю. Может быть, встреча с Ним. И отчет, как мы распорядились Его дарами. А может, новые, неизведанные пути. И не будет им конца.

66

Два чудесных дара получил я от Создателя – голос и песню. Я, Хендрик Моор, родился болезненным и слабым – таким же и рос. Ни веселым нравом, ни красотой не отличался. Ни какими-то особыми талантами. Разве что музыкальный слух достался мне в наследство от матери-пианистки. Да еще чувство ритма. Помню, совсем крохотным, я ходил по квартире и отстукивал ложкой по батареям «Лунную сонату». И, конечно, как все малыши, я пытался петь. Мне нравилась эта странная щекотка в горле и протяжные звуки. Но тонкий голосок не слушался, и ничего не получалось.

В пять лет меня привезли к бабушке в деревню, потому что мама уезжала на гастроли, папа много работал, и за мной некому было смотреть. Там, из стрекота кузнечиков и лягушачьих трелей, из птичьего пересвиста и тиканья старых настенных часов, из гула взлетающих и садящихся самолетов (недалеко от поселка находился маленький спортивный аэродром), из шума газонокосилки и мурчания бабушкиного кота, из лесной тишины, которая и не тишина вовсе, потому что полна дыханием жизни... Из всех этих теплых летних шорохов и звуков в моей голове соткалось удивительное нечто. Даже не мелодия, а ее предчувствие, как во сне, когда вроде бы и слышишь что-то, а повторить не можешь, да и звучит она каждый раз по-новому. Так родилась моя песня. А может, она просто улучила момент и пришла ко мне с небес по солнечной дорожке? Она была такая... как будто летишь вместе с ветром, расправив руки, словно крылья, и тебя обгоняют опавшие листья, сухая трава,

ветки, шишки, шары перекаати поля, птицы, звезды... И при этом чувствуешь себя необыкновенно живым. Глупо, конечно, описал, но по-другому не умею. Я мог петь ее с любыми словами или вовсе без слов. Но обычно просто описывал все, что маячило перед глазами. Я пел о том, как зреют помидоры на грядке, как из водосточной трубы в бочку льется дождевая вода, как слеток дрозда сидит в кустах, а кот на ступенях вылизывает блюдце со сметаной. Я мазал бабушке поясицу какой-то вонючей мазью от радикулита, а сам напевал свой немудреный мотивчик, о том, как в окошко струится пыльный свет и муха бьется в стеклянном плафоне с громким жужжанием. И как сухая герань на подоконнике хочет пить. А бабуля изумлялась, как мазь-то хорошо помогает! Вот так чудо-снадобье! Герань, кстати, тоже оживала, распускаясь красными, резко пахнущими цветами, но без воды – не надолго. Но бабушка не разрешала мне ее поливать, говорила: «Не надо, я сама, ты зальешь». А сама забывала. К концу лета и дедушка перестал жаловаться на сердце и словно помолодел лет на десять, распрямился, стал крепче и шире в плечах. «Старость, Хендрик, – бывало, говорил он мне, – это болезнь. Вот увидишь, скоро ее будут лечить. Так что не бойся – побултыхаюсь еще». Что ж, он как в воду глядел. А моя маленькая подружка – бледная девочка с соседней улицы – избавилась от диатеза. Но в тот год никто еще ничего не понял.

67

Хотя подсознательно люди, наверное, что-то чувствовали. Помню старика-соседа, всего переломанного после несчастного случая. Он жил в такой же, как у нас квартире, только этажом ниже, и каждый день в хорошую погоду выбирался на прогулку, как краб, ковыляя на своих костылях. Страшный, перекошенный, черный, он с трудом добирался до ближайшей лавочки – прямо под окнами, в палисаднике, утопающем в цветах – и падал на нее, и полулежал, подставив изуродованную щеку солнцу. Он радовался, случайно встретив меня во дворе, и просил посидеть с ним.

– Спой, мальчик, – говорил этот бедняга. – Когда ты поешь, мне не так больно.

Я охотно исполнял его просьбу, и ликовал в душе, видя, как гримаса муки на его лице сменяется блаженной улыбкой. Я ведь, и правда, думал, что хорошо пою. И даже мечтал, что когда вырасту, прославлюсь и стану выступать с концертами. Как мама, добавлял я про себя с тайной гордостью. Хотя такой уж известной пианисткой она не была. Что ж, моя мечта сбылась, правда, весьма своеобразно.

Голос мой, в подростковые годы звонкий, хотя и не очень сильный, после ломки сделался вовсе неинтересным. Поэтому, забыв об эстраде, я выучился на слесаря. Мне нравилось возиться с железками. Но петь я продолжал – для тех, кто приходил ко мне и просил о помощи. Для страдающих, искалеченных, тяжело больных. Бывали дни, когда я ни минуты не мог остаться наедине с

собой – в мою дверь постоянно кто-то стучался. Дети и взрослые, и немощные старики, они робко переступали мой порог, и в их глазах, как свечное пламя, горела надежда. Кто рассказал им всем про меня, удивлялся я каждый раз, беспомощно разводя руками, и почему они верят в мою силу? Я обычный человек, лишенный каких-либо талантов, простой работяга, не искушенный ни в эзотерике, ни в медицине. Как могу я помочь всем этим несчастным? Но они верили в чудо – и вера их спасала.

А после того, как я пением вылечил ребенка от детского церебрального паралича, и когда об этом написали в газетах, на меня толпой набросились всяческие дельцы и пройдохи или, культурно выражаясь, менеджеры. И, не успел я опомниться, как контракты были подписаны, сняты залы для выступлений, а мои «целительные сеансы» распланированы на месяцы вперед. Билеты на них стоили недешево. Конечно, и мне кое-что перепадало. А если говорить уж совсем честно, то перепадало немало.

Я помню, как стоял на небольшой, слабо освещенной сцене, и смотрел в темноту зала, туда, где тускло расплывались обращенные ко мне лица, а над ними, заполняя все пространство до самого потолка, черными облаками плыла боль. Я обнимал ладонями микрофон, потея от страха, что вот сейчас что-то пойдет не так, и голос мой сорвется или как-то неправильно прозвучит – и эти люди уйдут ни с чем, не получив облегчения. Я чувствовал себя шарлатаном. Я лгал им, себе, самому Богу, что умею делать нечто такое, чего не умеет больше никто. А потом начинал петь, и мой голос обращался в свет, разливался широко и ярко, сиянием изгоняя мрак, и черные облака над нашими головами рассеивались, как дым. Помню глаза исцеленных, слова и слезы благодарности.

И все, казалось бы, складывалось хорошо. Но червячок сомнения подтачивал меня изнутри, и копошился, и будил чуткую совесть. Незадолго до своего взлета, я женился на бледной девочке из бабушкиного поселка. Мы ждали рождения нашего первенца и очень волновались. Во всяком случае, я. И если Лара спокойно готовилась к родам, покупала детские вещи, выбирала по каталогу коляску и кроватку с пологом, и ванночку для будущего малыша, то я весь извелся – и чем стремительнее приближался час икс, тем тревожнее становилось на душе. Меня терзал подспудный страх, что я делаю что-то дурное. Хоть и говорят, что дети за отцов не в ответе, кара часто обрушивается на головы невинных. И я сходил с ума при мысли, что могу погубить нашего еще не рожденного сына, что по моей вине он не увидит свет.

Лара, как могла, утешала меня.

– Хендрик, ну что ты переживаешь? Ведь ничего еще не случилось. Почему ты все время ждешь какой-то беды? Ты помогаешь людям – разве это плохо? За что тебя наказывать?

Я упрямо мотал головой.

– Ты не понимаешь... Я торгую божьим даром. Лечить – не плохо. И даже нужно – не зарывать талант в землю, а использовать его для добрых дел. Но нельзя брать за это деньги.

– Почему? – искренне удивлялась она.

Я, как мог, пытался объяснить, но путался в словах, сам толком не понимая, в чем состоит мой грех, что мучает меня и не дает по ночам сомкнуть глаз.

– Этот волшебный голос – не мой... Ну, то есть, он мой, конечно, но он дан мне свыше. Способность исцелять – не моя заслуга. Она дана мне не потому что я какой-то особенный, а просто... – я мялся, – наверное, так звезды встали. Но знаю одно, то, что даром дается – надо даром отдавать. Бог не берет с нас платы. Или берет, но по-другому. Не деньгами. Что ему наши деньги!

Жена улыбалась мне ласково, как неразумному, но любимому ребенку, и гладила меня по лицу.

– Вот именно, Хендрик. Мои руки, мозг и глаза тоже достались мне даром. Но я работаю – и вместе с тобой зарабатываю нам на жизнь. Скоро у нас родится малыш. Ему, как и нам, нужна будет одежда, еда и крыша над головой. Книжки, чтобы учиться. Место в хорошем университете. Мы не бабочки и не пчелы, и не можем питаться цветочным нектаром. Мы должны заботиться о ребенке и думать о будущем. В этом мире не бывает ничего бесплатного. Так уж он устроен.

С тяжелым сердцем я соглашался с ней.

Сынишка родился здоровым, и нашей с Ларой радости не было конца. Жена с головой погрузилась в нелегкие, но приятные хлопоты, а я, уболтав, наконец, беспокойную совесть, продолжал выступать перед больными и страждущими.

А потом моя дорога свернула не туда, в гиблое место, в болота и буераки – именно в тот момент, когда я меньше всего этого ожидал. Когда успокоился и не ждал от судьбы подвоха. Я заболел раком горла. После первой же операции у меня полностью пропал голос. Я мог только шептать. А тяжелое лечение надолго уложило в постель. Кто-то переносит химиотерапию легче. Я же буквально разваливался на куски. Но все равно боролся, изо всех сил цепляясь

за жизнь, как попавшее под лед животное борется с течением, уносящим его прочь от спасительной полыньи. Жена, осунувшаяся от горя, разрывалась между мной и сыном. А я гнал ее прочь, домой, но не потому что так мечтал об одиночестве. Я тосковал по Ларе, но видеть ее молчаливое страдание было не вмоготу.

И дни, и ночи сплелись в бесконечный тошнотворный кошмар. Наверное, это покажется странным, но я не думал о своей болезни, как о наказании, и не терзал себя чувством вины. Не задавался бесконечным и бессмысленным вопросом: «почему я?». А почему бы и нет? Дары бывают разные, и хорошие, и плохие. Наверное, в масштабах вселенной, размышлял я бессонными ночами, нет таких понятий, как хорошо или плохо. Все для чего-то нужно, и не нам решать, какой дар проклинать, а какой принимать с благодарностью. Мы, как звезды, рождаемся и гаснем – но не по своей воле. Божественная рука зажигает и гасит нас, и сопротивляться этому бесполезно. Мне очень хотелось жить. Любить Лару, видеть, как взрослеет мой сын, встречать рассветы и любоваться закатами. Только это и казалось теперь важным, а все остальное словно побледнело и спряталось в тень, сделалось маленьким и незначительным.

70

А когда я все-таки проваливался в беспокойную дрему, мне снилось, что я карабкаюсь по отвесной скале, сдирая ногти о камень и хватаясь за чахлые кустики, травинки и островки мха. Эти мучительные сны всегда кончались одинаково: я срывался вниз и летел в черную бездну. Туда, где нет боли, но и света тоже нет. И я понимал, что битва проиграна.

Я уже раздумывал, не отказаться ли от ядовитых лекарств, когда в палату неожиданно вошел мой менеджер. Замешкался на пороге... и решительно шагнул ко мне.

– Там полный зал людей, – сказал он. – Я обо всем договорился с врачами. Это ненадолго.

Я с трудом поднял голову от подушки, и сразу же перед глазами заплясали черные мотыльки. О чем говорит этот человек? Какой зал? Какое выступление? Я жестом попросил его уйти.

Но он остался стоять, терзая в руках маленький блокнот.

– Моор, но вы должны... Пожалуйста. Они не разойдутся, пока не увидят вас.

Не знаю, почему я согласился. Потому ли, что шепотом невозможно спорить? Или на меня так подействовало почти забытое слово «должен»? Казалось бы, умирающий не должен никому и ничего... Но человеческое еще держало меня

крепко. Или это магия дорог повлекла меня за собой, вдаль, к неизбежному? Иногда мы можем свернуть или замешкаться на развилке. А бывает и так, что надо просто идти до конца, не задумываясь о том, что там, впереди.

Они встретили меня потрясенной тишиной. Я сидел в инвалидном кресле, но не потому, что отнялись ноги, а потому, что от слабости стоять уже не мог. Сидел и вглядывался в темный, замерший в ожидании зал, и, казалось, узнавал некоторые – нет, многие – лица. Это было странно, обычно исцеленные пациенты никогда не приходили повторно. Разве что для того, чтобы поблагодарить. Я подумал, что моих сил, наверное, не хватило, чтобы изгнать болезнь полностью. И они вернулись, эти люди, и снова ждут моей помощи. А ведь я ничем не могу им больше помочь. Мой голос умолк навсегда. Даже мелькнула мысль, каким самонадеянным идиотом я был, возомнив, что могу вмешиваться в дела Божьи.

И вдруг... Они встали – все, как один человек – и, положив руки друг другу на плечи, запели мою песню. Я узнал ее сразу – этот медленный, медитативный напев, шорох ветра и ощущение полета, когда становишься легче соринки, и тебя несет вместе с осенней листвой куда-то в неизвестность. Я не мог разобрать слов – в ушах у меня шумело, а глаза затуманились слезами – но знал, что это слова благодарности и любви.

71

Я сидел перед ними, вытирая мокрые щеки, без голоса и совсем без сил. А они стояли и пели для меня.

И я выздоровел.

Выбор пути. Конкурс «Выбери свой день – 4»

Такой славный дождик...

Людмила Клёнова

Когда младший сынишка Дины был совсем маленьким, он уже тогда отличался философским складом ума.

Однажды, когда в ненастную погоду они вдвоём стояли у окна, наблюдая, как дождь заливает улицу, Дина сказала: «Смотри, какой сегодня сильный дождь»!

Малыш, повернувшись к маме, ответил очень серьёзно: «Это человек может быть сильным или слабым. А дождь бывает быстрым или медленным...»
Сын давно вырос, но фраза эта запомнилась...

В этот день утром, выйдя из подъезда, Дина хотела открыть зонтик – что-то накрапывало сверху. Но передумала: дождик был такой тихий и ласковый, такой медленный...

Знаете, бывает такой дождь, когда капли не торопятся упасть на асфальт, а словно «зависают» в воздухе, мерцая изнутри каким-то трепещущим сиянием – как будто капли эти впитали в себя солнечный свет, проникший в них откуда-то из-за нетяжёлых туч...

Дина направилась к близнему скверу, подошла к своей любимой скамейке. Та, стоящая под раскидистой липой, была совсем сухой. Женщина решила присесть и немного подышать этим прохладным, свежим воздухом, этим тихим, медленным дождём.

...Когда его оторвали от тёплого маминого бока и подняли в воздух, он услышал мужской голос: «Гляди, а этот бракованный – у него одно ухо белое. Его и не продашь... Что с ним делать?»

«Да выбрось...» – ответил небрежный женский голос...

– Ага, наверное, «Давыбрось» – это моё имя, – подумал малыш, прежде чем очутиться на улице.

Потом он просто брёл под кустами, пока не подошёл к большой скамейке, под которой было сухо и не было ветра. Там он и улёгся, свернувшись в клубочек, чтобы как-то согреться. И тут кто-то чуть не наступил на него...

– Эй, осторожно, не наступи на меня! – подал голос Давыбрось...

– Мя-а-а-у-у-у! – услышала Дина.

– Ух ты, кто это тут такой голосистый, такой певучий, – спросила она, заглядывая под скамейку, откуда раздался этот голос...

Там сидел маленький котёнок и смотрел на неё чистыми синими глазами...

– Какой красавец, – сказала Дина и протянула к нему руку, – можно тебя взять?

Рука была тёплой и мягкой, и Давыбрось ткнулся в неё носом...

Женщина подняла котёнка, рассматривая его...

– Да ты, похоже, породистый. Ну, точно, колор пойнт...

Котёнок и вправду был именно этой породы: синие глаза, окрас цвета топлёного молока, тёмные концы лапок, тёмный хвост, тёмная мордочка и тёмные концы ушек...

– О, да у тебя одно ухо белое, – сказала Дина, – потому тебя и выбраковали...

Хорошо, хоть не утопили...

Она прижала малыша к груди, согревая его...

– Пойдёшь со мной, синеглазый? Дождик, хоть ласковый и медленный, но, в конце концов, промочит тебя насквозь...

Дождик, пробежавшись по листьям липы, и вправду напомнил о себе...

– Как же тебя назвать? – спросила Дина.

Котёнок хотел ответить, что зовут его Давыбрось, но в этот момент прогремел, приближаясь, гром. И женщина, засмеявшись, сказала: «Вот небо подсказывает – будем называть тебя Гром!»

И они вдвоём с Громом пошли к дому, где жила Дина...

Медленный, светлый, невесомый дождик проводил их до самого подъезда...

Тут с неба громыхнул ставший близким гром, говоря: «Молодец, сынок! Славно потрудились! Пристроил живую душу в хорошие руки... Можешь порезвиться теперь!»

Дождик улыбнулся...

Вы сомневаетесь, что гром может разговаривать, а дождик улыбаться? Не сомневайтесь – могут, конечно же! Они ведь живые!

– Ура, свободен! – обрадовался дождик – и сыпанул изо всей силы, сразу залив жидким серебром и скамейку, и окна, и дорожки в сквере...

Звонко застучав по крышам, он весело и шумно помчался куда-то в сторону леса, став быстрым и долгим...

Но успел подумать, вспомнив женщину и котёнка: «А всё же так славно иногда побыть медленным дождём...»

Единорог
Джон Маверик

Через открытое окно в комнату затекал прохладный ночной воздух – свежий и душистый, с едва уловимым запахом мяты – и нежные звуки скрипки. Мелодия парила, как лепесток на ветру. Не давила на уши, а бережно ласкала слух, словно теплой водой омывая мысли и почти облекаясь в слова. Голос скрипки похож на человеческий, только ярче и чище.

А в комнате на краю постели сидела бабушка – прямая, точно проглотила аршин. И рядом девочка лежала на спине, утопая головой в подушке – бледная и худенькая, коротко стриженная. Тонкие руки скрещены поверх одеяла, взгляд задумчиво распахнутых карих глаз блуждал по потолку.

Обе слушали.

«Бедная моя Яночка, – думала бабушка. – Бедная малышка».

– Синяя птица поет, – мечтательно произнесла девочка.

74

– А разве это не скрипка? – удивилась бабушка, но не успела договорить, как уже поняла, что да, конечно, птица. Как она могла спутать?

Не тягучие, жалобные стоны скользящего по струнам смычка, а звонкий птичий пересвист резал ночную тишину серебряным ножом.

– Бабуля, расскажи сказку? – тихо попросила девочка.

– Какую еще сказку? Я не знаю сказок. Только быль!

– Быль?

– Ну... то, что на самом деле было.

– А-а-а-а-а...

– Ладно, слушай. Жил в одной семье маленький мальчик по имени Ник. То есть, Николас. Но мама с папой звали его Ником.

– Как моего братика?

– Откуда ты знаешь про брата?

– Не помню.

– Мама сказала? Зря... Ну, ладно. Этот Ник был очень странным мальчиком. Он видел удивительные вещи – цветы и радуги в облаках, сказочных птиц и зверей, живые звезды, изумрудных стрекоз и рубиновых бабочек. И все, кто находился рядом с ним, в одном доме, на одной улице, в одном городе – видели их тоже.

Ник лежал в кроватке, как ты, малышка, и засыпал, но не мог уснуть. Потому что потолок становился прозрачным. И полыхала в небе симфония красок. И звезды водили хороводы вокруг бледно-розовой, как цветок лотоса, луны. И таяли стены, а за ними открывались волшебные пространства. Ночные луга, усеянные светляками, как поле – земляничкой. Синие горы в оранжевой дымке. Медные колокола над крышами. Хрустальная река и золотые камыши. И все это – нарисованное светом.

А из домов, полуодетые и сонные, выходили соседи. Они запрокидывали головы и, как зачарованные, смотрели на чудеса. И кто-то видел красоту, кто-то – дурное знамение, кто-то боялся, ругался или плакал, кто-то сочинял музыку или стихи. Кто-то ворчал себе под нос и требовал выключить это шоу. Безобразие, устроили посреди ночи, спать не дают.

75

Родители Ника не сразу поняли, в чем дело. А когда сообразили – поначалу обрадовались. Ведь мир вокруг их крохотного сынишки становился прекрасным. Они подумали, что у Ника – талант. Замечательный талант. Потом – испугались. Затем – пришли в отчаяние. Соседи уже косились на них, как будто о чем-то догадывались. И шептались за их спинами.

Родители мальчика продали свой уютный дом и переехали в другой город. Туда, где жила бабушка Николаса. Но и там история повторилась. И вот, в одну из морозных зимних ночей, когда под окнами ярко светил снег и весело играли в догонялки ледяные зверьки, в квартиру ворвались люди в черном. Их было пятеро. Крепких, наглухо застегнутых и вооруженных автоматами фигур.

«Где Николас К.?» – потребовали они.

«Мой сын ничего не сделал!» – закричала мама.

А папа спросил:

«Как вы нас нашли?»

Ник уже спал, но от громких голосов проснулся. Он лежал в кроватке, не смея шелохнуться, и слушал.

«Как находят эпицентр взрыва, – ответили люди в черном. – Как узнают упавший камень по кругам на воде. Ваш сын и есть этот камень. Он нарушает покой. Сеет смуту».

«Какую еще смуту?»

«Он заставляет людей видеть вещи, которых нет. Вредные и опасные».

«Что опасного в радуге на небе?» – спросил папа.

Но люди в черном продолжали настаивать:

«Ночью небо должно быть черным. А днем – синим. И все. А то, что делает ваш сын, это непорядок. Это почти бунт».

«Но Николас никого не заставляет. Просто так получается».

76

«Какая разница? Мальчик болен. Мы заберем его в клинику и вылечим. Он станет, как все».

«А, ну если...»

Папа чесал в затылке, а мама плакала.

«Ник – совсем еще малыш, а сейчас ночь, – умоляла она. – Можно, мы привезем его в вашу клинику утром?»

«Мы сами придем за ним», – ответили люди в черном и ушли.

Ник слышал, как закрылась дверь за чужаками, и, удивленный, смотрел, сквозь стеклянные стены, как они идут по улице, брезгливо расталкивая локтями и прикладами сверкающих зверей. Один – самый злой и широкоплечий – выстрелил ледяной лисичке в голову. И та разлетелась на мириады крохотных радужных осколков. А сама лисичка, мертвая, упала на снег. Ник отвернулся. Он привык слушаться маму и папу. Но люди в черном ему не нравились.

А затем появился единорог. Огромный белый конь с солнечной гривой и алмазным рогом во лбу. Не ледяной, как остальные фигурки, а настоящий, из

плоти и крови, и окутанный таким ярким сиянием, что Ник на мгновение зажмурился. Сказочный конь внимательно взглянул мальчику в глаза – и прошел сквозь закрытую дверь, проскакал по лестнице и очутился в детской.

«Ник, – сказал единорог, – ты в опасности. Завтра тебя отвезут в клинику, но не вылечат. Тебе закапают кислоту в глаза, и ты ослепнешь».

«Как это?» – не понял мальчик.

«Это как черная-черная ночь. Как темная комната без окон».

«Ночь не черная, – возразил Ник, – в ней всегда много света. А за стенами комнаты – доброе волшебство».

«Я не могу объяснить тебе, как это – быть слепым, – вздохнул единорог. – Но поверь, это очень плохо и страшно. А вместе с тобой и все люди... нет, не ослепнут. Но больше не смогут верить в чудеса, рассказывать сказки, танцевать, петь, обниматься. Мир потускнеет и постепенно завянет, как цветок без воды. В нем не будет любви. Не станет радости. А там, где нет радости и любви, поселяются зависть и злоба. Такому миру лучше вовсе не быть».

77

«Что же делать?» – растерялся Ник.

«Садись мне на спину! Я отвезу тебя в сказочную страну, где никто тебя не найдет. Но ты будешь видеть – и светить. Маяк горит и в тумане – и пока он не погас, корабль не налетит на рифы».

И они ускакали... Больше маленького Ника никто не видел. Родители, конечно, горевали. Они думали, что их сына похитили люди в черном. А власти подозревали, что ребенка спрятала семья. Но с тех пор небо оставалось пустым, и ледяные звери больше не бродили по городу. И дело Николаса К. сдали в архив.

А еще через год у мамы и папы родилась дочка. Она не умела зажигать радуго в небе и оживлять звезды. Но теперь повсюду звучала музыка.

Последнюю фразу бабушка произнесла шепотом и то лишь потому, что малышка Яна закрыла глаза и задышала ровно. Уснула... Но нет. Девочка шевельнулась и, повернувшись на бочок, пробормотала сонно:

– А за мной придут люди в черном?

– Что ты, Бог с тобой, – испугалась бабушка. – Конечно, нет! А если придут – мы их не пустим.

– А единорога?

Бабушка тяжело вздохнула.

– Единорога пустим.

Но, может быть, на этот раз, подумала она, обойдется без единорога? Музыка не так заметна, как ожившие сказки. Ее и так много вокруг. Она льется из окон, из автомобилей, из плееров и телефонов. Ее напевают прохожие, насвистывают птицы. Она как воздух, которым дышим. Как солнечный свет. Природа поет на разные голоса. Лягушки, цикады, сверчки, кузнечики. Неужели кому-то придет в голову обвинять в этом многозвучии маленькую девочку?

Бывают люди-маяки, думала бабушка, а бывают люди-камертоны. По ним вселенная настраивает свою гармонию. Есть, наверное, и другие. И все они, как Божьи пальцы, держат нашу Землю, не давая ей сорваться с орбиты – в черную пропасть, в космический холод, в вечную ночь. Пока звучит ночная музыка, солнце будет вставать и садиться. Но как же им нелегко приходится – этим Божьим пальцам! И если бы не единорог...

Синяя птица умолкла, и запела флейта – тоненько, хрупко, переливчато.

– А это, бабушка, соловей! – тихо воскликнула Яна, снова восхищенно распахнув глаза.

– Да, милая. Соловей. Спи...

Созвездие Рыси. Третий экспериментальный конкурс прозы

Островок света посреди реки

Джон Маверик

Среди холодных волн, вдали от суши он был как вспышка неземной благодати. Как глоток блаженства... Случаются в жизни такие моменты, о которых и сказать-то нечего. Но они врезаются в память и остаются там на долгие годы, иногда на всю жизнь. Так и Ник навсегда запомнил, как он, девятилетний, стоял на берегу, и мутный поток, широкий и бурный в этом месте парка, нес мимо осенние листья. Чуть поодаль отец и младший брат кидали собаке палку. Было пасмурно, и небо чернело над их головами, набухая дождем. А Ник стоял и смотрел на воду, когда из-за туч выглянуло солнце и осветило маленький островок посреди реки. Поросший сухим пыреем, еще мгновение назад невзрачный и туманный, он стал удивительно ярким и отчетливым, и засверкал, как драгоценный камень. И каждая песчинка на нем вдруг высветлилась, и каждая травинка, окутавшись мягким соломенным блеском, вспыхнула и засияла. Целую минуту крохотный клочок суши пылал среди серой водной ряби как солнечный золотой костер. Тучи сошлись – и он погас. И все, ничего больше не произошло. Но тонкая красота этого мгновения проникла мальчику глубоко в сердце.

79

Островок света являлся Нику во снах, окутанный теплым шлейфом волшебства. Но и днем он, хоть и не видимый, ощущался где-то рядом. Так близко, что казалось – протяни руку и пятнышки солнца прыгнут на твою ладонь, потекут по пальцам и золотыми брызгами разлетятся по стенам. Сперва призрачный, легкий, словно облачко, парящее в пустоте, он с каждым сном уплотнялся, становясь все тяжелее и осязаемее. Бывало, что спросонья Ник вставал на него босиком, как на прикроватный коврик. И трава под ногами колосась, а в уши лился тихий напев реки. И расходились тучи – снова и снова – пропуская желтый, как канареечное перо, солнечный луч.

Я познакомился с Ником на презентации его новой книги. Читал он плохо, запинаясь, и с его щек не сходил румянец смущения. Хотя сказка показалась мне чудесной. Магия леса и воды, и цветочное колдовство, загадочное, как лунный свет, и беззаботное, как эльф. И все это сплеталось в какой-то странный, бесшабашно-возвышенный гимн любви. Но погрузиться в сюжет не удавалось – не только мне, но и всему залу. Люди зевали и шептались. А я почти физически страдал, слыша, как портят сбитые ударения прекрасный текст, и досадовал на горе-автора. Очень важно, конечно, произнести нужное, правильное слово. Но не менее ценно – умение хорошо прозвучать. Иначе тебя не захотят слушать, и что толку будет в твоих правильных словах.

После презентации я подошел к Нику. От души похвалив его книгу, сказал, что я профессиональный чтец и предложил свои услуги. Он смотрел на меня

испуганным ребенком. Как если бы я на его глазах свалился с неба в космическом скафандре. Тут же, не дав бедняге опомниться, я выхватил из ослабевшей от изумления руки мятый листок и прочитал с выражением один абзац.

– Какое чудо, – только и сумел вымолвить Ник. – Неужели это я написал?

Он даже вспотел от потрясения. А я усмехался про себя, предвкушая, какими дивными цветами расцветут его волшебные истории, озвученные моим голосом.

С того дня мы начали выступать вместе и очень скоро подружились. Два одиноких интроверта, почти социофоба, мы отчего-то сразу потянулись друг к другу. Можете называть это родством душ или как-то иначе. Но мы понимали один другого с полуслова, полувзгляда, полувздоха. И сказки порхали между нами разноцветными бабочками, то садясь на плечи, то растворяясь в небе и обращаясь в звезды, в радугу, в музыку. На презентациях Ник представлял меня как своего соавтора. Хотя я в жизни не написал ни одной строчки, а мог только наговорить сочиненное другими.

Однажды мы устроили пикник на берегу реки. Не той, из Никова детства, пенистой, бурной и серой, текущей сквозь мегаполис. А небольшой местной речушки, глубиной по колено, полной рыб и лягушек. Тонкой серебряной лентой она вилась между холмами. Постелив на траве плед, мы расставили на нем еду: бутерброды на блюде, крекеры, фрукты, вишневый сок в бутылках, пирожные... Мы с Ником оба сладкоежки. Тогда-то, лежа на лугу, среди цветов и сочно гудящих шмелей, он и рассказал мне про свой остров.

– Понимаешь, – признался он, – я не знаю, где это место. Оно внутри меня и в то же время – где-то вовне. Может быть, в другом измерении, в ином времени или пространстве. Но оно настоящее. Не выдумка, не сон, не мечта.

Я задумчиво кивнул. У каждого есть такой островок, как бы он ни выглядел. Заветное пространство детской безмятежности и чистоты.

– Я вырос в маленьком поселке, недалеко отсюда, – сказал я. – И там была железнодорожная насыпь, поросшая дикими маками. Я часто ее вспоминаю. Почему-то именно ее – хотя, вроде бы ничего особенного, просто красные цветы, редкая трава и ветер порывами... И никого вокруг – хоть криком кричи, никто не услышит. По этой ветке уже не ходили поезда, но мне иногда чудился их шум. Как ветер в листве, хотя поблизости ни одного дерева. Абсолютно открытая местность.

Ник, не глядя, сорвал травинку и принялся ее жевать.

– Я слышу их в твоем голосе, – произнес он тихо, – когда ты читаешь мои сказки. – Эти призрачные поезда. И цветение маков – как огонь на ветру. Она так же чудесна, эта насыпь, как и мой островок света. Ты часто тудаходишь?

– Что? – не понял я.

– В детстве я то и дело сбегал на свой островок, от родителей, от забот и дурных мыслей. От всяческого тарарама вокруг. Один раз меня искали полдня – звали, бегали по соседям, обзванивали моих друзей. Мама плакала, думала,

со мной что-то случилось. А я сидел там – и ни о чем не знал. И все-таки, если бы не он – не это убежище – я сошел бы с ума, наверное. Не выдержал.

– У тебя было трудное детство? – поинтересовался я сочувственно.

– Да не то чтобы, – Ник замялся. – Но мама почему-то считала, что я очень люблю животных. И когда Альма щенилась, а это случалось два раза в год... ее гнездо устраивали в моей комнате. И мне поручали смотреть за щенками. Ты не представляешь, что там творилось! Щенки повсюду лазили, гадили на мои вещи, грызли мои учебники... Лаяли по ночам, так что я не мог спать. Это был ужас!

Я засмеялся.

– Щенки, говоришь? Ну, бывает и кое-что похуже!

– Наверное, – согласился Ник. – Но ты представь, как мама, радостная, встречала меня на пороге, чтобы огорошить новостью! У нас пять, или шесть, или семь новых собачат! Она ведь, правда, верила, что для меня это счастье! Теперь мы смеялись вместе.

– А хочешь, – предложил Ник, все еще усмехаясь, – на него посмотреть? На мой островок? Я тебя приглашаю! В свое «святая святых», – его голос упал до шепота. – Там нет ничего особенного. Только сухая трава. И еще такое благодатное ощущение, будто сам Создатель на тебя смотрит и улыбается.

– Звучит заманчиво. Но... – до меня, наконец, дошло, о чем он говорит, – я не понимаю... как?

81

– Я протяну тебе мостик. Смотри!

И вдруг все исчезло. Река, и кувшинки у берега, и цапля, одиноко стоящая в мелкой воде, тонкая, как струна, и облитая солнцем. Исчезли холмы и цветущий луг. Остались только мы – посреди чего-то великого и первозданного. Вокруг плескалось небо, похожее на штормовой океан. А может быть, океан, похожий на грозное небо. Но от моих ног, над жуткой бездной, полной клубящихся облачных чудовищ, протянулся тонкий лучик света. Я взглянул – и пошатнулся.

– Не бойся, Кай, иди, – донесся откуда-то тихий призыв. – Смелее! Всего несколько шагов. Это свет – он выдержит. Вот, он, островок!

И правда, впереди замаячило что-то светоносное, яркое и золотое. Словно далекое солнце, оно манило к себе, обещая любовь и тепло. Но я замотал головой. Мне страшно было даже пошевелиться, а не то что шагнуть в неизвестность.

Все, что я мог сделать – это крепко зажмуриться. А когда открыл глаза, привычный мир вернулся, и река ослепительно блестела, как брошенное на зеленый бархат длинное зеркало, а Ник сидел чуть поодаль и ел пирожное, запивая его вишневым соком.

Известность моего друга росла. Нас все чаще приглашали на презентации в другие города и другие страны. В тот последний день мы летели на книжную выставку в Вену. Ник молчал и казался подавленным. А я с неудовольствием разглядывал пассажиров – сперва в аэропорту, а потом и в самолете. Меня

бесила женщина с грудным младенцем, сопливым и слюнявым. И лысый толстяк, поминутно вытиравший лоб носовым платком. И девочка лет пяти с игрушечной собачкой, которую она все время целовала, что-то нежно нашептывая ей в плюшевые уши. И две вульгарные, изрядно захмелевшие девицы – одна с силиконовыми губами и, вероятно, такой же грудью. Вторая – обычная, но мне она все равно не нравилась. Я говорил себе, что эти люди ни в чем не виноваты, что им, как и нам с Ником, надо лететь в Вену. И, вообще, они не сделали ничего плохого. Но в груди словно еж растопырил иглы, и колол, и не давал успокоиться.

А Ник смотрел то на молодую мать, то на девочку с игрушкой – внимательно и напряженно. Я перехватил его взгляд, и вдруг ощутил внезапную дурноту.

– Что случилось? – спросил с деланой беззаботностью. – Боишься летать?

Он качнул головой.

– А, я забыл, ты же не любишь щенков!

– Я люблю щенков, – возразил Ник. – Но воздух в самолете какой-то другой. И свет другой. И лица – будто картонные.

– Тебе надо отдохнуть, – забеспокоился я. – Ты слишком много работаешь.

– Хорошо, – согласился он, устало откинувшись на спинку кресла, – отдохну.

Моя история подходит к концу. Когда мы пролетали над Альпами, наш самолет угодил в турбулентность. А потом странно клюнул носом и начал падать. Никто, кажется, так и не понял, что произошло. Но в салоне разверзся ад – крики и стоны, визг младенца, плач девочки и чьи-то сбивчивые, истеричные молитвы. Нас то вдавливало в кресла, то охватывало тошнотворное состояние невесомости. Пара минут растянулась на целую вечность, полную адских мук. Потому что нет муки худшей, чем страх смерти. А меня захлестнул такой черный ужас, что я едва соображал, кто я и где нахожусь. Говорят, что нет атеистов в падающем самолете. Но я забыл в тот момент – и себя, и Бога, а вместо спасительной веры в голове воцарилось какое-то оглушительное безмыслие. И вдруг я заметил, что Ник протягивает мне руку... Нет, не руку – мостик. Тонкий белый луч, как блестящая в темноте паутинка, над пропастью, над облачной трясинной – и я шагнул на него, потому что больше деваться было некуда.

И воссияло солнце. Мы с Ником, чуть живые, упали на сухую траву, а у меня в ушах еще стояли крики и плач несчастных гибнущих людей.

– Спаси их тоже, – прошептал я, задыхаясь.

И тут же понял, что нет, это невозможно. Места на островке хватит только для двоих. Но прежде чем мой друг успел сказать «да» или «нет», прежде чем успел хотя бы кивнуть – он уже протягивал им мостик – каждому по отдельности и всем сразу.

Я смотрел, как они обнимаются, веря и не веря в свое спасение, ошалевшие от радости, потрясенные и заплаканные. Как силиконовая девушка рыдает на плече у подруги. И как почему-то оживший щенок, повизгивая, лижет девочке щеки. А у нее по щекам струятся слезы.

А что же островок? Он раздался вширь и вытянулся в длину, покрылся зеленой травой и плодовыми деревьями, из маленького клочка суши посреди реки превратившись в солнечный ковчег, дрейфующий сквозь мрак небытия вниз по течению Стикса.

Мне хотелось сказать что-нибудь, но что?

Заданные условием конкурса начало и конец:

Среди холодных волн, вдали от суши – – Мне хотелось сказать что-нибудь, но что? (Рэй Брэдбери «Ревун»)

Лесные хроники. Полукровка

Елена Картунова

– У тебя дом – развалюха и огород – метр на два. И самой тебе пора на свалку, – от обиды прошепелявила кикимора Кеке, присаживаясь на тёплый валун. – Такой путь проделала, а тебе, видите ли некогда подругу чаем напоить.

– Ну, во-первых, я только на сто лет тебя старше. А огорода у тебя и такого нет, – равнодушно отреагировала Яга-Яся, не переставая рыхлить грядку с изумрудной порослью магической травы. – Да и дом мне только что подправили.

– И кто ж это подправил? Неужто в ловушку поймала кого? – уже более дружелюбно поинтересовалась кикимора.

– Ну... типа того, – не отрываясь от работы, ответила Яга. – Раскидала по округе ловушки с новым мороком... на пробу, вот и поймались.

– И что, прям в яблочко? Мастера?!

– Ха! – весело отозвалась Яга, присаживаясь на другой валун. – Жить захочешь... всему научишься. Я их сначала постращала, а потом условие поставила – жизнь за ремонт... Инструменты у меня есть – гуси-лебеди насобирали всюду. Объяснила, что надо. Три денька поковырялись – и кровля без дыр, крыльцо не скрипит, окна открываются.

– А как насчёт заколдовать всё новое? Или уже силёнки не те? – съехидничала кикимора.

– Дура ты, дура! На одном колдовстве долго ничего не продержится. Колдовская энергия, да будет тебе известно, рассасывается потихоньку. Уходит в окружающую среду... откуда и берётся.

– Правда, что ли? – удивилась Кеке. – Не знала.

– А что ты знаешь, кроме своего болота? – беззлобно проговорила Яся. – Неуч!

– Эх... и мне бы мастеров... хоть на денёчек. Моя хибара совсем обветшала от сырости, – печально отозвалась кикимора, не реагируя на обидные слова подруги.

– Тогда тебе повезло, – улыбнулась ведьма. – Залётные пока ещё здесь. В баньке отсыпаются... Только чем ты их кормить будешь? Поганками, пиявками да лягушками? Мужикам сытная еда нужна, качественная, чтоб силы восстанавливать. Да и удержать их ещё надо.... А я им уже и клубочек путеводный дала.

– Жаль... Но, может... А знаешь, у меня амулет есть! Я как бы... могу принять облик красотки... и увлечь их за собой, – неуверенно прошептала кикимора, почему-то оглядываясь по сторонам. – А провиант... подкинешь? Да?

– Подкину. Только надолго ли... этого самого облика красотки хватит? – так же тихо, проговорила Яга.

Кикимора погрустнела и тут же продолжила:

– А ты им зелье колдовское дай, заговоренное... Оно же сутки действует? А потом и я свой амулет применю... ещё два дня протяну. Подправят жильё и пусть проваливают, куда хотят... А? Что думаешь?

– Ноу проблем, – изрекла продвинутая ведьма, окидывая довольным взглядом радостную грядку. – На что только не пойдёшь ради подруги?! Ну что... чайком закрепим договор? Оплата за услугу в двойном размере.

– Разумеется... болотные корешки лучшего качества и несчётное количество лягушек! – улыбнулась Кеке.

Сказано – сделано. И проснувшиеся молодцы заворожённо потопали вслед за болотной... красавицей. А как там дальше дела разворачивались, никому не ведомо. Только зимой до Яги дошли странные слухи, что Кеке... матью собирается стать.

Яга сначала остолбенела, потом призадумалась и решила удостовериться в услышанном самолично, потому как волшебное зеркало и обмануть не сложно. Вытащила из-под навеса старую ступу, прогрела её, положила на дно коврик-печку, чтобы ноги не мёрзли, сама потеплее оделась и – в путь. Летела-летела и чуть мимо не пролетела, не признав лачугу подруги.... Постарались, видать, мужички. Значит, замысел их с Кеке удался.

Приземлилась. Заходит... и снова шок – чистота нереальная! Сама кикимора, раздобревшая и посветлевшая, смущённо улыбается подруге.

Яга молча скинула свой тулуп и растерянно присела на край лавки, таращась на круглый животик прежде поджарой подруги.

А вот здесь требуется маленькая справка. Дело в том, что старухами подруги не были. В сказочной реальности сотни лет живут. Но, если сопоставить с людской жизнью, то нашим лесным дамам на описываемый момент, одной было – где-то в районе тридцати пяти, а другой – немного за сорок. Но выглядели обе очень специфично, особенно кикимора Кеке – зелёная, тощая и угловатая... А нынче вдруг похорошела.

– Ты мне объяснишь, что происходит? – наконец проговорила Яга.

– Я... не виновата. Он сам... А я не сопротивлялась, – смущённо пролепетала Кеке. – Уж очень ласков был. Разве я могла упустить такое счастье?

– Кто ласков-то был?!

– Да этот, один из тех... пойманных тобой.

«Быстро сориентировалась зелёная, а я что-то оплошала» – промелькнула шальная мысль.

– Понятно... Что делать будешь с дитём? – проговорила Яга уже вслух.

– Девочку оставлю, – промямлила кикимора. – Ты же знаешь, нам только девочек можно. Непорочное зачатие... Отвар из цветка папоротника... А цветы найти – проблема. Я... пока не нашла...

– Да знаю я про ваш партеногенез. А, если мальчик? – не унималась Яга и поманила подругу к себе. Та подошла. Ведьма ощупала её живот, всмотрелась в него и...

– Мальчик, – сообщила она.

– Мальчик? – всхлипнула Кеке, размазывая слёзы

– Да будет тебе! Успокойся! – обняла её Яга. – Вырастим сообща. Когда мы своих-то в беде бросали?! В семейство лешакам отправим. У них всяких полно – и своих, и чужих, и найдёнышей... А для тебя... время рождения девочки просчитаем и поймаем ещё мужичка.

Прошло время. Бабья осень пропитала лес очарованием. И в один из таких распрекрасных дней Яга отправилась за живой и мёртвой водой. А пешая прогулка для получения наслаждения от колдовского времени – лучшее решение... Вдруг видит, на полянке среди местных ребятишек, ползает крепыш с зеленоватым личиком.

– Яська! Привет! – вдруг услышала она басовитый голос лешего Лёхи. – Представь, заговорил наш малыш! Ещё и на ноги не встал, а уже лопочет. Ух! Богатырём будет! – И Лёха, улыбаясь, схватил на руки симпатичного полукровку, потискал его и ласково проговорил:

– Егорушка, а ну, скажи ещё раз «па-па».

Заданные условием конкурса начало и конец:

– У тебя дом – развалюха и огород – метр на два – – – Скажи еще раз «папа».

(Джон_Маверик «Ловец теней»)

Земля – Созвездие Близнецы. Первый конкурс серии «Начни с эпитафией»

Папка на Севере Nebraska

*Но все сложнее видеть ее растерянный взгляд и
замирающие руки, когда пытаюсь уйти от вопросов...
Джон Маверик, «В тёмные времена»*

Музыка звучала, заполняя собой всю кухню, сначала она была требовательной и печальной, потом торжественной и трагичной. А затем она стала умоляющей, шепча о таких невыразимых вещах, как прикосновение весеннего ветерка к обнаженной шее, после длительной, тяжелой зимы – совсем легким дуновением, освежающим и бодрящим.

Казалось, музыка то журчала тонюсеньким ручейком, то лилась полноводной рекой, которая легко поднимала и носила на себе большие корабли и маленькие лодочки. Музыка распаивалась ярким небом – и кричала сварливой птицей, стонала, как льдины по весне, а потом шептала, будто вела тихую, доверительную беседу.

87

Но всего этого не могла бы объяснить Стаська, она только прыгала по опустевшему дню коммунальному коридору и кричала самые красивые слова, какие знала:

– Уныл-лая, пара-а-а!!! А чей Ачираваня?!!

Принят на мне тая

Последняя краса-а-а!!!

Мама говорила, что это – «самые чудесные строчки Абосени», а когда Стаська спросила, кто такая «Абосинь» – засмеялась и сказала: «Ты моя Абосинь».

Стаське не было понятно, почему всё вокруг пронизано такой нечаянной, иногда внезапной радостью. А когда её Солнце вдруг гасло – её мама, её светоч, сердилась на Стаську – она старалась схватить за руку, прижаться к коленям или заглянуть в лицо, отчаянно повторяя:

– Ну я же твоя девочка... Твоя Стасенька! Я тебя люблю! – и если это не помогало – вскрикивала, как выпавший из гнезда галчонок – и тут уже плакала, горько и громко.

– Стася, не шуми, говорят, соседям мешаешь... – расстроено бормотала Таня.

– Ишь, требовательная какая у тебя растёт! – восклицала одна соседка, и другая вставляла своё веское слово:

– Видно, избаловала ты ее, Танька! А что потом делать будешь, как подрастёт? Эх, не хватает ей твёрдой отцовской руки!

Мама пугалась, просила Стаську замолчать, пожалуйста, да только девочка, чувствуя осуждение, неодобрительное внимание коммунальных кухарок, орала, пока Таня не уносила ее за дверь, в их комнату, где дочка скоро успокаивалась, но долго сидела прижавшись к матери, всё еще всхлипывая и вздрагивая.

– Ну, всё? Уже всё? И чего ты опять разревелась? – спрашивала ее мама, но Стаська объяснить не умела, и если расспросы начинались слишком рано, капризно кривила губы:

– Патамушта-а-а! – и опять начинала реветь.

88

Раньше, первую пару зим, ее редко выносили во двор: то из валенок выросла, а то Таню на свехурочку вызовут – и некому гулять с крошечной девочкой.

В соседней комнате жила немощная, но добрая старушка, бабушка Аня. К ней Таня и носила Стаську, как пойдет на работу.

А однажды весной, когда всё подсохло, бабАня сшила ей из кусочков шинели пальтишко, а Таня – ботиночки ношенные где-то раздобыла, и бабАня повела девочку гулять. Но перед тем Таня присела вровень с дочкой и серьёзно её попросила, глядя прямо в глаза: – «Слушайся бабАню, Стася. Всегда слушайся! Договорились?».

Стаська важно кивнула.

Они еще выходили из парадной, а в глаза уже ударил яркий, пронзительный свет, такой, что Стаська зажмурилась: Большой, Громкий День хлынул ей в уши, овеял лицо ветром и ошеломил, чуть не сбив с ног звуками...

Стася стояла и слушала, пока не различила отдельные: вот бегают и кричат мальчишки с мячом – их звонкие голоса разносятся далеко-далеко.

Вот что-то непонятное хлопает, звуки длятся, эхом разносятся дальше...

В соседнем дворе лает собака...

А еще этот мир плачет, мяучет, чирикает и скрежещет.

Пространство углубилось, будто приобрело неведомую многомерность. Пугающе огромное, оно поглотило Стасю прозрачным китом, обволокло играющими тенями и светом.

– Ну, что ты встала, девонька? Пойдем, – взяла ее за руку бабАня и повела в этот весенний день.

Запахи... Терпкая первая зелень и донесшийся, неведомо откуда, нежный, цветочный аромат.

Вот понесло из подворотни чем-то несвежим и затхлым, как из квартирной кладовки, а вот – пахнуло откуда-то свежей выпечкой.

Стася шла, распахнув большие серые глаза, иногда запрокидывала голову – и тогда боялась упасть вверх. У нее даже кружилась голова – так далеко наверху было небо, голубое, весеннее.

89

– Смотри под ножки, а то запнёшься, – сказала бабАня, и Стася наклонилась, посмотрела под ноги и опять остановилась. У самых ее ног росло несколько жёлтых цветочков. Стася протянула руку и схватила один. Головка цветка оторвалась, и, держа его на раскрытой ладонке, девочка ощутила запах: медовый, с горчинкой.

– Это мать-и-мачеха, – сказала бабАня. – Гляди-ка, уже расцвела! Давай отнесём маме?

– Держи, бабАнь, уроню! – чуть вытянула ручонку девочка.

– Давай, девонька, давай.

И стали они вместе гулять в «лётную», как говорила бабАня, погоду. И всегда им встречалось что-то новое: то голубок в мохнатых штанишках ворковал и вытягивал шейку, а дворový кот его чуть не сцапал, то набежало несколько собак – и все лаялись, а то почтальона встретили, и он рассказал, кому сегодня почта пришла.

У него была большу-у-ущая сумка с ремнём на плече.

Дома бабАня пошла разогреть кастрюльку, а Стася взяла мамину кошёлку, надела на плечо и разнесла всей коммуналке «почту»: «тук-тук, к вам пачталён!»

И газеты были, и письма.

Мама потом терла красные глаза, и смеялась, и плакала: «как же ты, Стасенька, взяла мои письма?..»

Все отказались их брать у Стаськи, только одна соседка схватила сослепу, надорвала конверт с краю, хоть другой был срезан, и стала читать. Потом отдала Стасе и ушла в кухню. Шепталась там с другими и выглядывала на неё, Стасю: – «Да, девка-то похожа на него: гляди, какие глазищи!..»

Стася еще чуть подросла – и сама стала выходить во двор. Оттуда она и принесла новое слово: «безотцовщина», и, как позже оказалось, оно было одним из самых безобидных.

С прямолинейностью, свойственной маленьким, она тут же пристала к Тане и спросила, что такое «безотцовщина» и потом, конечно, «где наш папка?».

90

Таня сжалась, как от пули в живот а после зашептала горячо и быстро:

– А ты скажи, что наш папка – герой, полярник... Сейчас работает на Северном полюсе... А знаешь, что такое Северный полюс? – сказала она уже другим голосом, – Там всегда холодно! Там живут белые медведи! И лисы там белые, и совы!

– Не бывает, так не бывает!.. – запротестовала Стася.

– А вот и бывает, – поддержала мамку бабАня. Она как раз только вошла и слышала часть разговора.

Стаська сразу унялась: если баАня говорит – значит, и правда, бывают. Спросила только:

– БабАнь, зачем они белые?

– А затем, девонька, – отвечала бабАня, – что там и волки белые, и мышки беленькие: там везде снег, и всё белое, белый край – и белые звери!

– Хочу посмотреть! Хочу на Северный... – Стаська забыла слово «полюс».

– На Север захотела? Так там ведь холодно, там всегда зима, суроо-о-овая зима, не такая, как у нас, а жгучия, страшная! – голос соседки, уводящей девочку к себе, стонал тише, глуше, а Таня будто окаменела. Но она была спокойна. До нового выхода во двор, а до него целая вечность, Стаська вряд ли вспомнит об отце. Вечер, ночь и еще немного – до полудня, когда бабАня отпустит ее гулять. А сначала покажет и прочтёт все старые газетные вырезки о Севере. Она любит собирать вырезки и сохраняет всё самое важное или интересное.

Поздно вечером бабАня сидела, смотрела, как Стаська пьёт молоко и ест хлеб с вареньем, и думала о своём: какой старой она сама стала...

Стаська частенько хватает ее мягкие, уже праздные старческие руки, – иногда даже целует их – аж сердце заходится...

Завтра Таня засветло уйдет на работу, вернётся вечером.

Сколько еще нянчить девочку? Успеет ли воробушек опериться, когда...

Анна Ильинична вздохнула, пригладила прядь волос и горько улыбнулась, вспомнив Стаськино лопотанье: «Там всё белое? А у тебя тоже волосики белые! А у моего папки? А почему он не приезжает?»

«Он приедет, просто он очень занят...» – неуверенно отвечала она.

«А чем он так занят и не приезжает к своей Стасеньке? И к маме?...» – удивлялась девочка.

«Нет, девонька, не приезжает, он очень занят: изучает снега, льды, солнце полярное... Оно там яркое – да не греет совсем...», – щурила свои добрые, подслепованные глаза женщина.

«Мой папа там не замёрзнет?!» – беспокойно ёрзала девочка.

«А вот как замёрзнет – так сразу и приедет!» – отшутилась старушка.

Вечером усталая Таня умиротворенно сидела и смотрела, как рисует дочка.

Она любила вот так сидеть и смотреть, а та ее не тревожила, понимала, что мама устала: сейчас ее Солнышко тусклое, но всё равно тёплое и родное. Они любили посидеть, помолчать вечерами, а когда намолчатся вдоволь – начинались самые лучшие разговоры, за которыми укладывались спать.

– Да когда ж мой папка там замёрзнет! – вдруг бросила карандаш девочка и нахмурила бровки.

– Как – замёрзнет? Где?.. – растерялась Таня.

– Да на Севере! Тогда он приедет, – уверенно заявила Стася: – Уши патамушта отмёрзнут! – добавила она.

Они смотрели друг на друга, смотрели – и потихоньку начали улыбаться.

– Нет, Стасенька, – вздохнула Таня, – Пусть у него всё будет хорошо, как у нас с тобой. А давай-ка, мы выпьем чаю?

Только Таня вышла за чайником – Стаська плюхнулась на пол и заглянула под кровать: на месте ли ее коробочка?

Среди прочих детских заветных «сокровищ», там было старое, мутное фото, вырезанное из газеты. Это ей бабАня подарила, вернее, она сама выпросила, признав на фотке свою пропажу. Стоит на ней у самолёта полярный лётчик в шлеме, и лица его не разглядеть: всё, что видно – очки и улыбка.

«Гляди, какая у него куртка: в такой тёплой – не замёрзнешь!» – говорила бабАня. «Нет, ему тепло! Видишь, как улыбается?» – радуясь, отвечала ей Стася.

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Диалоги»

Правдоруб

Владимир Печников

- Что за дрянь? – проговорил я, выходя из реки, вертя непонятный предмет, в дрожащих от похмелья пальцах: идеальные поверхности кубика приятно гладили кожу.
- Дык, это... Изобретение удивительное – Правдоруб я. – ответил предмет глухим внутренним голосом.
- Кто? Ты тово... Нормальный? – глядел я на кубик, чудом попавший мне в руки.
- Я-то да, в точности.
- И что мне с тобой делать? – спросил я, поправляя на голове волосы, которые вздумали встать дыбом от непредвиденного волнения.
- В карман пиджака своего положи и всегда будешь говорить одну только правду.
- Это чё, и Светке я по-честному скажу, где вчера был?
- Разумеется, скажешь, что был у Клавки с другом Семёном, что напились там и играли в карты на раздевание, а потом...
- Сам знаю, что было потом!
- Но, если бы меня не было, ты Светке сказал бы, что возникла проблема на работе, а потом – у Семёна машину ремонтировали до полуночи.
- И это...
- И это тоже расскажешь, если спросят. И то, и другое... Житья не будет, поверь, если жить по-честному.
- Не-е-е, так не пойдёт. Хотя, если Светке в сумочку положить... А?
- Тогда она всю правду-матку тебе лепить будет.
- Вот и хорошо! – обрадовался я, но при этом задумался.
- Но, может, случится так, что вы вместе больше быть не сможете.
- Это почему же?
- То, что ты расскажешь – ещё полбеды, простят дурака. А вот сможешь ли ты сам простить?
- Ага... – только и сказал я в ответ, размахнулся и закинул подальше в реку непонятный мне предмет квадратной наружности.

Закрыл

Римма Щемерова

- Как же ты далеко забился! Иди-ка сюда, приятель! Не бойся!
- Ещё чего!
- Да ты весь в пыли! Сейчас я тебя отмою.
- Апчхи!
- Будь здоров! Ну вот, посмотри, какой ты нарядный! Сколько наклеек-то на тебе! Сразу видно бывалого!
- Охо-хо!
- Ну, не скули, приятель. У меня чемоданное настроение. Открывай мне свою душу...
- Взззык!
- Вот так. Сейчас набьём тебе брюхо! Держи! А теперь добавочки...
- Оооо! Хватит!!!
- Ну, приятель, крепись. Сейчас потрамбуем... Вот, еще кое– что войдёт.
- Уууу
- Ну еще вот эти плавки и солнечные очки!
- Книгу хоть не пихай. Всё равно читать будет некогда. Опять за девушками бегать будешь, да в море плескаться.
- Да, ты прав. Книга на море – только от солнца заслониться. Ну вот, осталось только тебя закрыть. Втяни-ка животик...
- Эй, полегче коленкой! Я сейчас лопну!
- Нет, только не это! ... Да, что-то придётся выложить. Пожалуй, ласты лишние. ... Нет?
- Да!!! И еще что-нибудь выкинь.
- Ботинки, пожалуй, не пригодятся. И зонт.
- И камеру убери – мобильного хватит. И, кстати, зачем тебе надувной матрас?!
- Ага! А помнишь тогда, в Бразилии... И где бы мы спали?
- Ты же всё равно потом на дереве спать устроился.
- Еще бы! Ты видел этого крокодила! Кстати, на тебя похож.
- Посмотрел бы я, как ты тому крокодилу на брюхо коленкой!
- Зато у тебя такой богатый внутренний мир!
- У меня замок разойдется!!! Помнишь, как у тебя на брюках тогда, в Италии? Какой был ажиотаж в ресторане! Сколько же пицц ты в себя тогда утрамбовал?
- Хватит ржать!.. Ого! Ты знаешь, я тебя поднять не могу. Пожалуй, для вагонного знакомства и трёх бутылок коньяка хватит. Как считаешь?
- Естественно!! Ехать-то всего 6 часов! Выгружай все. Иначе так «нагрузишься», что для тебя носильщика вызывать придётся.
- Ой, не ворчи! Потерпи, поднатужься... Всё! Поехали!

Вредная штукавина

Елена Картунова

- Ваше Величество! Вот новое зеркало взамен разбитого!
- Ну, наконец-то! – улыбнулась королева элегантно возраста, удивлённо рассматривая предмет, мало похожий на прежнее зеркало. – Поговорим... зеркальце? – наконец произнесла она, когда слуга вышел.
- О чём желаете поговорить? – бодро отозвалось зеркало молодым женским голосом.
- Да о чём хочешь. Мне ли сейчас задавать дурацкие вопросы о красоте?
- Почему бы и нет? – с готовностью отозвалось зеркало. – Красота – не проблема.
- Неужели? – оживилась королева. – И как же вернуть её? Магия... уже что-то плохо помогает.
- Хорошо, «Магию» исключаем. Вот другие клиники, – деловито отозвалось зеркало. И тут же на его плоской поверхности услужливо застыли строчки. Королева удивилась.
- Что это? – растерянно спросила она.
- Список медицинских учреждений, где проводят пластические операции.
- ??? Не понимаю...
- Ищу видео с пояснением.
- И в зеркале появилось изображение невиданного места с непонятно одетыми людьми. Они что-то рассказывали, демонстрируя лица разных женщин до каких-то манипуляций и после...
- Это в каком королевстве?! – ошарашенно прошептала Её Величество.
- Минутку! Вот список всех королевств.
- Да что же это?! Ты издеваешься?! Я хотела просто душевной беседы! – чуть не плача, воскликнула королева.
- Понятно! Найдём психоаналитика.
- Но королева уже не слушала, от всей души грохнув неправильное зеркало об пол.
- В тот же момент в королевские апартаменты влетел слуга, внося новый свёрток.
- Простите, Ваше Величество! Вот ваше зеркало! А это, – он бросил опасливый взгляд на разбитый гаджет, – такое иногда залетает через портал. Вредная штукавина... Чёрная магия.

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Техническая инструкция»

Шапка-невидимка

Марина Юнг

Дорогой покупатель!

Перед вами изделие лучшей в мире фирмы «Черномор» – шапка последней модели «Найди меня – 2500». Такого вы ещё не видели! И не увидите, это мы вам гарантируем.

1. Получив заказ, откройте упаковку. Если внутри вы ничего не увидели, ваш заказ доставлен правильно.

2. Убедитесь на ощупь, что шапка находится в коробке, и немедленно (слышите, немедленно!) спрячьте вне досягаемости детей и домашних животных в месте, известном только вам. Лучше хранить в оригинальной упаковке.

3. Шапка используется в разведывательных и сюрпризо-подготовительных целях. Гарантия безотказной службы шапки-невидимки 50 лет.

4. Запрещается использовать шапку при ограблении банков, квартирных кражах и т.д. Все последствия нарушений на вашей ответственности. Если в процессе ограбления вы чихнёте, уроните китайскую вазу, обрушите со стола монитор, наступите кому-то на ногу и т.д. – сами виноваты. В таких случаях за вашу неудачу фирма никакой ответственности не несёт.

5. Приводите друзей! Каждый, кто приведёт нового клиента, получит дополнительную гарантию на следующие 50 лет.

Мы работаем для вас!

Всегда рады вас не видеть!

Приобретайте лучшие шапки-невидимки только в фирме «Черномор» – у нас их видимо-невидимо!

Земля – Орион – Минтака. Сентябрьские истории (55-словники)

Паук

Marara

Жил-был паук: уродливый, прожорливый. Одна любовь грела паучье сердце: внучок. Учил дед неслуха: «Держись земного. Небо опасно: ни листика от птицы укрыться, ни веточки, сеть закрепить!» Не послушался деда малыш: улетел на серебряной паутинке. Затосковал паук. Всё изменилось: Небо дождями зарыдало; листья попадали, почернели от горя. Скукожился паук. Повис безжизненным комочком. Без любви старики умирают...

Знаки

Виктория Соловьёва

Жил-был знак вопроса. И дня не проходило, чтобы он не изогнулся над очередной несчастной жертвой. Всё что-то выспрашивал, выковыривал из золотых душ молчунов. Но однажды он подружился с восклицательным знаком. Тот был всегда в восторге от любой затеи. Вопросительный недоумевал: «Как можно быть таким безрассудно беспечным?» Восклицательный только рассмеялся: «Выпрямись! Вспомни каким ты был прежде!»

Поэт

Marara

Жил-был поэт. Станный он был человек: любил осень. Больше весны, когда всё цветёт, больше лета, наливающего медовой спелостью плоды... А чем осень хороша? Кроны клёнов пожарищем охвачены – никакому дождю не затушить. Ветер алые наряды с деревьев сдирает: тоскуйте, мол голышом! Пауки, и те дохнут, от тоски по улетевшим с паутинками паучатам... Александром Сергеевичем поэта звали...

Листопад
Михаил Кульков

Жил-был Ли... А был ли Ли на самом деле уже неважно, ведь деревья теперь сбрасывают листву каждую осень. Причём здесь легендарный маг? Дело в том, что он изобрёл заклинание вместо «Замри!»: «Стоп!», – и опробовал его на деревьях. Но у них со слухом было неважно, и они стали ему бросать под ноги листья. Так появился лиСТОПад.

Счастье
Ирина Архипова

Жил-был воздушный шарик. Был он маленьким, всеми забытым, одиноким. Однажды солнечным весенним утром его вдруг подняли и прижали к мягким губам... Он почувствовал тепло, его начала наполнять необыкновенная радость. Шарик стал большим, красивым, лёгким, готовым взлететь в небо от огромного счастья, поселившегося внутри. И он полетел... вслед за ниточкой, которую аккуратно держала тёплая детская рука.

Тяжела рука бабы
Гелия

Жила-была баба. Мужичок у нее водился, но так пилила она его, что он меньше становился и наконец размером с ноготок стал. Однажды в сентябре потеряла мужика в лесу, грибы собирая. Стала сушить грибы на печке, прислушалась – писк и шорохи. Глянула – муженек с полупридавленным комаром свободу празднуют. Задумалась о женском да махнула в сердцах тяжелой рукой...

Земля – Орион – Минтака. Трогательные истории (55-словники)

Как-то вечером

Елена Картунова

Как-то вечером, Медвежонок, идя в гости к Ёжику, увидел под лапами старой Ели крохотную Звёздочку.

«Какая маленькая! Наверно, из гнезда выпала, – подумал он. – Надо взять. Ёжик обрадуется».

И Ёжик обрадовался.

– Она очень трогательная! – восторженно проговорил Ёжик, нежно глядя Звёздочку-малышку.

– Что значит «трогательная»? – поинтересовался Медвежонок.

– Это значит, её трогать всё время хочется, – сияя счастьем, ответил Ёжик.

Если вам подарили

Елена Картунова

99

Если вам подарили упавшую звезду, подумайте, вдруг её кто-то ищет. Вот и Ёжик задумался. Подарок Медвежонка он очень полюбил. Но Звёздочка грустила.

И друзья решили научить её летать. Медвежонок подбрасывал малышку, а Ёжик ловил её. И однажды она полетела.

Теперь самая крохотная, но самая притягательная Звёздочка улыбается своим спасителям, сидящим по ночам у старой Ёлки.

Исцеление

Ольга-Клен

Миша вторую неделю грипповал. Днями мальчик смотрел в окно на прохожих. Нетерпеливо он ждал девочку в ярко-жёлтой шапочке с футляром в руке. При её появлении теплая, нежная волна окатывала мальчика, словно внезапно хлынувший летний дождь. Сегодня девочка остановилась напротив окна, достала из футляра скрипку и начала играть. Миша почувствовал, как приходит счастье и уходит болезнь.

Сын математиков...

Утренний смех
Милана Секоненко

Малыш проснулся и закукусился. В глаза светило солнышко, но ребёнок ему пока не умел радоваться. Тогда от колючего ослепительного шара отделился крохотный комочек, спрыгнул с неба на подоконник, на пол и покатился подпрыгивая. У кровати он подскочил высоко, задержавшись в гостеприимной ладошке. Карапузу стало щекотно, и он рассмеялся. Надо и взрослым почаще ловить солнечных ёжиков.

** победитель в авторском зачёте*

Елена Картунова

Как-то вечером
(см. стр. 64)

100

Если вам подарили
(см. стр. 64)

Подарок

Однажды маленькая Звёздочка выглянула из пушистого гнезда туманности, засмотрелась на Землю и упала прямо в лес. Старая Ель пожалела малышку и широкой лапой, осторожно, чтобы не уколоть деточку, подкатила её к себе. – Что за родители! – ворчала Ель. – За ребёнком не углядели. Ручеёк ласковой песенкой успокоил потеряшку, Ветер убаюкал её, и доброй сказкой усыпил Ёшкин Кот*.

**кот Баюн – кот бабы Яги*

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Первый конкурс Фонаризов

Хочу, чтоб все людские племена... Не оставляли в туалетах имена.
Ольга Клен

Не жалею, не зову, не плачу – Кудри помянул, лысея, мачо.
Гелия

Был я весь, как запущенный сад. Не маркиз, но местами Де Сад!
Галка Сороко-Вороно

Важней всего погода в доме... когда нет денег на курорт.
Галина Пиастро

И чудачки – ещё такие есть! – талдычат нам про совесть, ум и честь!
Людмила Кац

101

Не думай о секундах свысока... удобней думать, лёжа на диване.
Елена Картунова

Улыбнулся спокойно и жутко крокодил проплывающей утке.
Елена Картунова

На заре ты её не буди... Молод... Жить ещё хочешь, поди?..
Римма Щемерова

** победители в авторском зачёте*

Елена Картунова

Не думай о секундах свысока... удобней думать, лёжа на диване.

Улыбнулся спокойно и жутко крокодил проплывающей утке.

Святая наука хомячить без звука.

Был я весь – как запущенный сад... нынче поросли жиденькой рад.

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, но сказка испугалась и ушла.

Ольга Клен

Хочу, чтоб все людские племена... Не оставляли в туалетах имена.

Заметался пожар голубой... Мужики! Оставайтесь собой!

И звезда с звездой говорит... Жаль не понимаю я иврит.

Быть или не быть? Вот в чем вопрос... Сперматозоид начал кросс.

Выбегу, тело в улицу брошу я... Пусть все подавятся. Я – нехорошая.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Найди ответ – 4»

Торт – высшая ступень в карьере вишенки.

Елена Ланина

Карусель – место, где, вывалившись из ракеты, можно попасть под лошадь.

Александр Соломатин

Торт – съедобный подсвечник.

Таёжник

Самогон – утренняя пробежка.

Hellin

Пельмень – «однушка» для фарша.

Елена Ланина

103

Крепость – охраняемая драконом, перевалочная база для сбыта принцесс самовывозом.

Римма Щемерова

Торт – КРЕМация мечты про похуденье.

Акс

** победитель в авторском зачёте*

Елена Ланина

Торт – высшая ступень в карьере вишенки.

Пельмень – «однушка» для фарша.

Карусель – зомбированный деревянный табун.

Самогон – неряшливая водка.

Крепость – анарексичка в платье из крепа.

Земля – Созвездие Мухи. Пятый конкурс абсурдизмов

Просьба аккуратно вешать носы и не бросать тени как попало.
Елена Картунова

Распушенность шнурков до добра не доведет.
Людмила Кац

«Не котовать!» – буркнул кот и улёгся под ёлочку.
Алексей Лис

Его дела пошли в гору. А он, умный, решил её обойти.
Галина Пиastro

** победитель в авторском зачёте*

104

Елена Картунова

Просьба аккуратно вешать носы и не бросать тени как попало.

Неудачно сойдя с ума, сломал ногу.

Просьба... в Литгалактике звёзд с неба не хватать.

Оглавление

Оглавление

I. Планета X

Командная игра «Четыре грани – 2»

Посылка, или Дневные сны. <i>Александр Соломатин</i>	4
Очищение, или Осенний театр. <i>Джон Маверик</i>	6
Мой ангел. <i>Сергей Че</i>	10
Лисса. <i>Джон Маверик</i>	14
Веточка. <i>Джон Маверик</i>	20
Подарок на Рождество. <i>Юлия Лавданская</i>	23
2023 год. Проза. Выбор автора	
Консервная банка. <i>Таёжник</i>	27
Волшебный фонарь. <i>Джон Маверик</i>	30

II. Планета путешествий

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Конкурсы рассказов о любви

Четыре женских портрета. <i>Александр Сороковик</i>	38
---	----

Созвездие Дракона. Конкурсы сказок (мифов)

Рыжее солнце. <i>Джон Маверик</i>	44
-----------------------------------	----

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Конкурсы рассказов о животных

Знакомство. <i>Людмила Клёнова</i>	50
------------------------------------	----

Земля – Созвездие Жирафа. Конкурсы рассказов о детях и для детей

Мотыльковый царь. <i>Джон Маверик</i>	54
---------------------------------------	----

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Конкурсы рассказов

Неверующий. <i>GP</i>	59
-----------------------	----

На праздничной стороне города. <i>Джон Маверик</i>	61
--	----

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары – 4»

Ошибка. <i>Виктория Соловьёва</i>	64
-----------------------------------	----

Выбор пути. Конкурсы «Выбери свой день»

Без голоса. <i>Джон Маверик</i>	66
---------------------------------	----

Такой славный дождик... <i>Людмила Клёнова</i>	72
--	----

Единорог. <i>Джон Маверик</i>	74
-------------------------------	----

Земля – Созвездие Рыси. Экспериментальные конкурсы прозы

Островок света посреди реки. <i>Джон Маверик</i>	79
--	----

Лесные хроники. Полукровка. <i>Елена Картунова</i>	84
--	----

Земля – Созвездие Близнецы. Первый конкурс серии «Начни с эпитафии»	
Папка на Севере. <i>Nebraska</i>	87
Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Диалоги»	
Правдоруб. <i>Владимир Печников</i>	93
Закрыл. <i>Римма Щемерова</i>	94
Вредная штукавина. <i>Елена Картунова</i>	95
Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Техническая инструкция»	
Шапка-невидимка. <i>Марина Юнг</i>	96
Земля – Орион – Минтака. Сентябрьские истории (55-словники)	
Паук. <i>Marara</i>	97
Знаки. <i>Виктория Соловьёва</i>	97
Поэт. <i>Marara</i>	97
Листопад. <i>Михаил Кульков</i>	98
Счастье. <i>Ирина Архипова</i>	98
Тяжела рука бабы. <i>Гелия</i>	98
Земля – Орион – Минтака. Трогательные истории (55-словники)	
Как-то вечером. <i>Елена Картунова</i>	99
Если вам подарили. <i>Елена Картунова</i>	99
Исцеление. <i>Ольга-Клен</i>	99
Утренний смех. <i>Милана Секоненко</i>	100
Подарок. <i>Елена Картунова</i>	100
Земля – Созвездие Летучей рыбы. Первый конкурс Фонаризов	
Хочу, чтоб все людские племена... Не оставляли в туалетах имена. <i>Ольга Клен</i>	101
Не жалею, не зову, не плачу – Кудри помянул, лысея, мачо. <i>Гелия</i>	101
Был я весь, как запущенный сад. Не маркиз, но местами Де Сад! <i>Галка Сороко-Вороно</i>	101
Важней всего погода в доме... когда нет денег на курорт. <i>Галина Пиастро</i>	101
И чудачки – ещё такие есть! – талдычат нам про совесть, ум и честь! <i>Людмила Кац</i>	101
Не думай о секундах свысока... удобней думать, лёжа на диване. <i>Елена Картунова</i>	101
Улыбнулся спокойно и жутко крокодил проплывающей утке. <i>Елена Картунова</i>	101
На заре ты её не буди... Молод... Жить ещё хочешь, поди?... <i>Римма Щемерова</i>	101
Не думай о секундах свысока... удобней думать, лёжа на диване. <i>Елена Картунова</i>	102

Оглавление

Улыбнулся спокойно и жутко крокодил проплывающей утке. <i>Елена Картунова</i>	102
Святая наука хомячить без звука. <i>Елена Картунова</i>	102
Был я весь – как запущенный сад... нынче поросли жиденской рад. <i>Елена Картунова</i>	102
Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, но сказка испугалась и ушла. <i>Елена Картунова</i>	102
Хочу, чтоб все людские племена... Не оставляли в туалетах имена. <i>Ольга Клен</i>	102
Заметался пожар голубой... Мужики! Оставайтесь собой! <i>Ольга Клен</i>	102
И звезда с звездой говорит... Жаль не понимаю я иврит. <i>Ольга Клен</i>	102
Быть или не быть? Вот в чем вопрос... Сперматозоид начал кросс. <i>Ольга Клен</i>	102
Выбегу, тело в улицу брошу я... Пусть все подавятся. Я – нехорошая. <i>Ольга Клен</i>	102
Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Найди ответ – 4»	
Торт – высшая ступень в карьере вишенки. <i>Елена Ланина</i>	103
Карусель – место, где, вывалившись из ракеты, можно попасть под лошадь. <i>Александр Соломатин</i>	103
Торт – съедобный подсвечник. <i>Таёжник</i>	103
Самогон – утренняя пробежка. <i>Hellin</i>	103
Пельмень – «однушка» для фарша. <i>Елена Ланина</i>	103
Крепость – охраняемая драконом, перевалочная база для сбыта принцесс самовывозом. <i>Римма Шемерова</i>	103
Торт – КРЕМация мечты про похуденье. <i>Акс</i>	103
Карусель – зомбированный деревянный табун. <i>Елена Ланина</i>	103
Самогон – неряшливая водка. <i>Елена Ланина</i>	103
Крепость – анарексичка в платье из крепа. <i>Елена Ланина</i>	103
Земля – Созвездие Мухи. Четвёртый конкурс абсурдизмов	
Просьба аккуратно вешать носы и не бросать тени как попало. <i>Елена Картунова</i>	104
Распушенность шнурков до добра не доведет. <i>Людмила Кац</i>	104
«Не котовать!» – буркнул кот и улёгся под ёлочку. <i>Алексей Лис</i>	104
Его дела пошли в гору. А он, умный, решил её обойти. <i>Галина Пиастро</i>	104
Неудачно сойдя с ума, сломал ногу. <i>Елена Картунова</i>	104
Просьба... в Литгалактике звёзд с неба не хватать. <i>Елена Картунова</i>	104
Оглавление	105

Парад Планет Победители прозаических конкурсов

Составление, вёрстка, дизайн
Виталий Музуров, Ирина Архипова

